

ПОЭТЫ
ИСТОРИИ

ПЕРЕВОДЫ
ИГОРЯ-СЕВЕРЯНИНА

А. ГРИНЕВ
1928

Est. A-3937

ПОЭТЫ ЭСТОНИИ

АНТОЛОГИЯ ЗА СТО ЛЕТ

(1803—1902 г. г.)

ПЕРЕВОДЫ
ИГОРЯ-СЕВЕРЯНИНА

И. Северянин

Vello Salo kirjutus
Tartu Maarja kogudusele

VELLO SALO
EX LIBRIS

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВАДИМ БЕРГМАН, ЮРЬЕВ /TARTU/
ЭСТОНИЯ 1928

Обложка, линейки и концовки художника А. Гринева.

TARTU ÜLIKOOLI
RAAMATUKOGU

Vello Salo kingitus
Tartu Maarja kogudusele

215974682

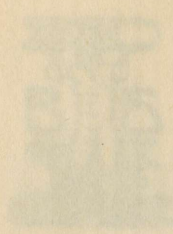
Типография Эд. Бергман, Юрьев.

Предисловие.

Лишенный в приморской глуши своей необходимых для художественной цельности впечатления собраний стихов и даже, часто, отдельных томов какого-либо автора, я вынужден был делать переводы из случайно находимых мною у местных крестьян стареньких хрестоматий и плохеньких антологий. Исключение составляют только некоторые современные авторы, любезно приславшие мне свои книги. Приобрести же за свой счет все интересующие меня для моей работы книги я был лишен возможности. Этим объясняется неполный состав авторов и случайный выбор отдельных произведений.

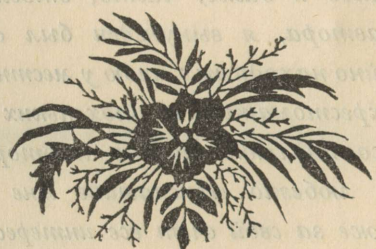
1928. Топа.

Игорь-Северянин.

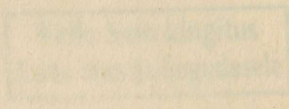
Предисловие.

Известно, что в настоящее время в России существует много различных систем воспитания, каждая из которых имеет свои особенности. В то же время, несмотря на это, все эти системы имеют одну общую черту, а именно, они все направлены к тому, чтобы воспитать человека, способного к труду и к общественной деятельности. Это является главной задачей воспитания в наше время.

Москва-Саратов.

1922. Тираж.

Осень.

... Пот, что из волос струился
И с лица, гора всосала
Точно сок, впитала в недра;
И от этого возникли
Под землею ручеечки,
Из которых утоляли
Жажду, тело освежали
Изнуренное — потомки ...

„Kalevipoeg“, глава VIII.

(Поэт Фр. Креационист)

Калевиндъ, тзев VIII.

Осень.

Когда ты видишь в небе стаи
Летающих к югу журавлей,
Подумай: да, природа знает
Гнать птиц в свой срок за ширь морей.

Кто на воздушных легких тропках
Является их вожаком?
Случайность может ли их, робких,
Направить длительным путем?

И в миг, когда тебя удача
Чутья покинет, не забудь
Почувствовать, душа вожачья,
Того, кто указывает путь.

(„Посл. Изв.“, Ревель.)

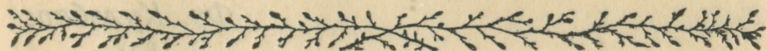

Пыль и прах.

Ты видел ли когда-нибудь,
Как рожь цветет, пыля?
Не чувствовал ли ты восторг,
Взирая на поля?

Ах, жизнь ростков скрывает пыль!
В дремоте жизнь ростков,
Пока пред взорами у нас
Цветенье колосков.

Что исчезает, то, как прах,
С живым ломает грань
И ждет, пока его Творец
Не позовет: «Восстань!»

* * *

Привет тебе, о утро
И орошенный лес,
И чудный летний воздух,
И синий свод небес!
Ответьте мне, цветочки:
Цветете вы не мне-ль?
И вы ответьте, птички:
Не мне ли ваша трель?

Но кто меня приветит
В час в утренней красе?
Кто видит, вздох мой слыша,
Глаза мои в росе?
Кто скажет мне: «О, цвет мой!
Цветы лишь для меня!»
Кто спросит: «Мне поешь-ли?»
Когда пою песнь я.

Молчи, умолкни, сердце,
Кого бежит привет!
Веселые пой песни,
Хоть просьбы петь и нет.
Ведь, часто в одиночье
Цветок себе цветет.
Цвети-ж и ты! как птица,
Пой песни, все — полет!

Пойте!

Братья, пойте величаво,
Песне весело внемля!
Вам приветливо отзвучны
Море, лес и вся земля.

Что приятней звука песни?
Пойте в роще и в саду,
Пойте на холме эстийском, —
Пусть веаде я песнь найду!..

Песнь эстийская, раздайся!
Лес наполни и кусты!
В темноте и в злое время
Будь свечею жизни ты!

Ах, когда-б пришли обратно
Братья, чтобы закрепить
Песен старых, песен наших
Поразорванную нить!

(„Вестн. Дня“, Ревель.)

Усни, мое дитя.

Спи, мое дитя, — ветка ягодная!
Сон из под дерева идет,
С улыбкой в зыбку зыбко льнет . . .
Спи, мое дитя . . .

Спи, мое дитя, — ветка ягодная!
Ветвь дуба ветер наклонил,
Ствол колебать не хватит сил . . .
Спи, мое дитя . . .

Спи, мое дитя, — ветка ягодная!
О, будь цветущим, точно май!
Как дуб, могучим! Баю-бай,
Спи, мое дитя . . .

Песня девочки своей овечке.

Веселись, овечка,
Скок на сенокос!
Если ты устала,
Ляг в тени берёз...

Напою тебя я, —
Вот реки рукав...
Мягкую постельку
Сделаю из трав...

Принесу так много
Я тебе цветов
И спою: «Овечка,
Спи в объятьях снов»...

Вырасти большою,
Сверстница моя:
Будешь ты овцою,
Девушкою — я...

(„Вестн. Дня“, Ревель.)

Слова отца.

Мой отец сказал мне как-то:
«Вновь свободна ты, страна,
И народ опять свободен, —
Сын мой, радость нам дана!»

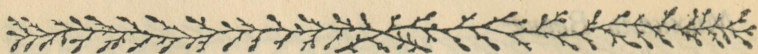
— «Как же к нам пришла свобода?
Расскажи мне, мой отец.» —
Он сказал: «Пришла свобода,
Как Аврора, наконец.

Стала нам светить свобода,
Как рассветная заря,
И сверкала, и горела,
И сияла нам, горя.

Поднялась она, как солнце,
Из об'ятий золотых.
Ускользнуло, в страхе, рабство,
Как туман в лучах живых»...

Снова я отца тревожил:
— «Не исчезнет ли она?»
Но отец меня утешил:
«Рабство захлеснет волна.

Можно-ль реку в половодье
Удержат своей рукой?
Можно-ль погасить свободу,
Воссиявшую звездой?»

Можно-ли весной березам
Запретить пускать ростки?
И ольховник обезлистить
Мановением руки?

Исушить возможно-ль озимь?
Зелень всю ее смести?
И ликующему лугу
Не позволить зацвести?

Может кто восход светила
Удержать: «Катись назад!»
Если тучи скроют солнце,
В ночи дней не превратят.

Александр приказ дал ясный:
«Воля в Эстии светит!»
Вот она теперь и светит,
Озаряя нам пути.»

(„Вестн. Дня“, Ревель.)

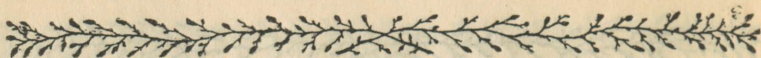

Знаешь ли край?

Ты знаешь край, что от Причудья
Идет до Балтики и от
Лесных отрогов Мунамяги
К приветливости финских вод?
О, этот край, ведь, колыбель
Отцов и правнуков досель!
Так пой-же, пой и распевай:
«Моя отчизна — этот дивный край!»

Приветствуют лесов вершины
Луга и зеркала озер.
Здесь под дождем восходит озимь,
Колосьям светит солнца взор.
О, этот край, ведь, колыбель
Отцов и правнуков досель!
Так пой-же, пой и распевай:
«Моя отчизна — этот дивный край!»

Свободы жаждут поколения,
Растет и крепнет молодежь,
Здесь для земли эстийской сына
Ты зрело, дёвушка, цветешь.
О, этот край, ведь, колыбель
Отцов и правнуков досель!
Так пой-же, пой и распевай:
«Моя отчизна — этот дивный край!»

Народ под'емлет силу поля,
Уничтожая нищету.
Улавливает просвещенье
И побеждает темноту.
Клянись навек своей стране
Быть преданным и, на струне
Бряцая, в песнях оглашай:
«Моя отчизна — этот дивный край!»

(„Вестн. Дня“, Ревель.)

* * *

Как ходить приятно
Вечером по полю!
Сердце ощущает
Благостную волю.

Дивно блещут звезды
И, блистая, тают.
В серебро одета,
Нам луна сияет.

Над горой и лесом
Гордые туманы.
Тайна овивает
Тихие поляны.

Ручеек чуть рошчет,
Где скала отлога.
Восхвали всем сердцем
Бесконечно Бога!

(„Посл. Изв.“, Ревель.)

Осенние думы.

Листьев лёт с березовой вершины.
Над землею ветер поднял вой.
Годовых часов молчат пружины.
Поздний час удар готовит свой.

Ты, светило дивное, устало, —
Поднимаешь медленно главу,
На детей своих взираешь вяло;
Осень грабит листья и траву . . .

Тучи в небе загнаны и в страхе,
Носятся над морем и землей.
Жалуются журавли, под взмахи
Крыльев, пораспахнутых домой . . .

Дом! домой! — пресладостное слово.
Сердце, ждать не долго, мирно спи:
Позовет тебя Отец Твой снова
В дом к Себе. Пока-же — потерпи.

(„Посл. Изв.“, Ревель.)

Вечерняя тишина.

Зашло светило. Ночь идет.
Шоссе и лес в дремоте. Вот
Стихает яркий шум дневной
В тиши спустившейся ночной.

В дремоте лес, в дремоте дол.
Умолкли птицы. Сон расцвел.
Взгляни, в объятьях тишины
Цветы с ручьями видят сны.

Роса, алмазных брызг светлей,
Снимает пыль со всех стеблей,
И глаз Венеры золотой
Тебя приветствует, мир мой.

Да, он приветствует тебя,
Как будто говорит любя :
— «О, сердце, спи в лесной тени,
Не плачь, умолкни и усни!»

(„Вести Дня“, Ревель.)

* * *

Лодка, медленно качаясь,
По реке плывет.
На корме сажу в раздумьи
И смотрю в глубь вод.

Солнечно поверхность блещет,
Мил мне этот блеск.
Нежно стан мой наклоняет
Золотистый плеск.

Это мне давно знакомо . . .
Как вода ясна!
Дно таит и смерть, и муку, —
Бойся, бойся дна.

Как возлюбленная Тии,
Ты, моя река:
Также может улыбаться
И манить слегка.

Только вградчивому лику
Ты ее не верь:
Как она лгала умело,
Испытай теперь.

(„Посл. Изв.“, Ревель.)

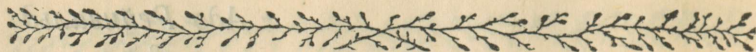
Мое сердце.

Сердце, мое сердце,
Ты не будь рекой,
С грохотом заботы
Плещущей волной.

Сердце, мое сердце,
Морем ты не будь,
Что в волнах высоких
Ищет шумный путь.

Сердце, мое сердце,
Скромным будь цветком,
Что цветет в долинах
Чистым лепестком.

Сердце, мое сердце,
Тихим лесом будь,
Что стоит так мирно,
Ссор не зная муть.

Встань!

Встань — восстань скорее, эст!
Руку выше! до небес!
Твой кулак ломает сталь, —
Убегает рабство в даль . . .
Берегись же, враг:
Вознесен кулак!

Встань — восстань скорее, эст,
Гордо озирай окрест!
Руки ныне без цепей, —
Горы, доли, ряд полей,
Не жалея сил,
Ты освободил!

Встань — восстань скорее, эст!
Так шагни, чтоб неся треск!
Так запой, чтоб в чаще ольх
Трепетала эта воль!
Ах, влажна земля, —
Это кровь твоя!

Встань — восстань скорее, эст!
На войну! к победе! блеск!
Жаждет древний дух меча:
Тёзка он Калевича . . .
В пыл родимых мест
Встань скорее, эст!

Забывать?

Что родина перестрадала,
Осмелюсь ли я позабыть?
Ах, нет, ах, нет: в аду бывшего
Мне суждено с отчизной быть.

Я вижу ясно и сегодня
Кровавых мук ее следы.
В моих ушах звучат все время
Все эти возгласы беды.

История! не примиришь ты
Меня с разбойником своим.
Всех тех, кто ад отчизне деял,
Хотел бы ввергнуть в адский дым . . .

До сей поры исполнен плевел,
О родина, твой дивный сад . . .
Я полон весь больного гнева.
Хвалить их может только гад.

(„Посл. Изв.“, Ревель.)

Черный кафтан.

Кафтан отцовский внуку
Завещан. Потому
Тебе, отчизна, руку
Я в этом твердо жму.

В кафтане черном деды
Ходили. Ну, так вот
Пусть новшества победы
Не знать: я — патриот!

Хочу в кафтане черном
Я смело выступать.
Пред выскочкою вздорном
Не стану трепетать!

(„Посл. Изв.“, Ревель.

На чужбине.

Одинок

На чужбине и далек
Путь мой, и на веках слезы . . .
Вдалеке стремленья грёзы, —
Вдалеке родимый край . . .

Дивный край!

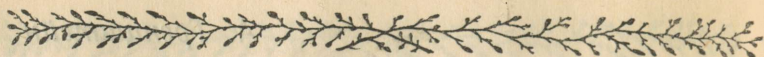
На твоей земле, где рай,
Гор твоих завидя кручи,
Руки жать твои, и жгуче
В ожиданьи лить свой плач . . .

Горький плач —

Вечный спутник неудач
На чужбине без'язычной . . .
Вдалеке язык привычный,
Щедрый мой родной язык . . .

Мой язык!

Только я к тебе привык,
Близкий мне язык! Бессилен,
Ведь, чужой, душе могилен,
Мало сердцу милосерд . . .

Милосерд

Край родной лишь! Я отверг
Красоту чужую: льдяно
Светит солнце из тумана...
Милость лишь в краю родном.

О, в родном

Милом мне краю — с лицом
Радостным хожу без стона
И пою, в лугах бутона
Видя солнечный расцвет!

Дёвица.

Молодая дёвица,
Дева — песнопёвица
Ходит полем изо льна
С песней: «К свадьбе ткань нужна . . .

Лён! дай подвенечную
Мне рубашку млечную,
Вы же, на лугах цветы, —
Мне веночек для фаты . . .»

— «Ангельское пение!» —

Кликнули растения
И на поле, и в лугах
Расцветая впопыхах . . .

(„Вести Дня“, Ревель.)

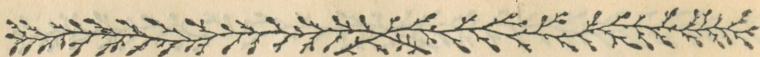
Весенняя песня.

Зимы жестокой ныне власть
Исчезла из лесов.
Красы весенней красит сласть
Теперь цветы лугов.
Где лишь задержится наш глаз,
Все блещет красотой.
Так воздух освежает нас,
Что радость над толпой.

Поющий птичий голосок
Звучит в березняке.
Мелькает ивовый рожок
У мальчика в руке.
О, прыгай, сердце, веселись!
Долой, долой печаль!
Веселье в песнях возродись,
Исчезни горе вдаль.

Туда, туда, где весел шаг,
Где птицы на ветвях
Колышутся и так и сяк,
Лечу на всех парах.
О, в птичий песенный турнир
Вложу я голос свой
И с горного хребта весь мир
Я поражу трубой!

Моя душа пролетит
восточном
Восточном
О всякой
Пусть летит все!
Пусть летит
Пусть летит
Восточном
Восточном

Весенняя песня.

Призыв петь.

Друг мой, друг мой, поспеши,
Возликуем от души!
Пусть звенят и пусть живут
Звуки на море и тут...

Грудь кипит. Как день пригож!
Голос звонок и хорош.
Это тело — легче пуль.
Ноги — как под ветром руль...

Как прекрасно пенье птиц!
Сердце в плясах без границ!
Слышать слуху не поспеть, —
Начинает рот звенеть!

Маленький почтальон.

Веселье я люблю
И резво я пою!
Хожу-брожу по свету.
Зима на смену лету.
В пути с собою сам
То здесь я, то я там,
Поет мой голос вам:
Ах, маленький я почтальон,
Я в целый белый свет влюблен, —
Halloo, hallii, hoi lallalla!
Я в целый свет влюблен.

Прекрасной ли весной,
Зимой-ли, в летний зной
Иль осенью туманной —
Всегда я неустанный,
И мне в моем пути
Так весело итти,
И радостно цвести:
Ах, я веселый почтальон,
Я в целый белый свет влюблен, —
Halloo, hallii, hoi lallalla!
Я в целый свет влюблен.

Когда вхожу в село,
Село все расцвело
Весельем. Все встречают,
Меня не пропускают,
И письма, и пакет
Хватают внук и дед,
И вновь припев мой спет:
Ах, маленький я почтальон,
Я в целый белый свет влюблен, —
Halloo, hallii, hoi lallalla!
Я в целый свет влюблен.

Когда путь кончен мой,
И я иду домой,
Меня жена встречает,
Одежду мне снимает
И, радость затаив,
Твердит: «Еще он жив!»
Ей вторит мой мотив:
Ах, я веселый почтальон,
Я в целый белый свет влюблен, —
Halloo, hallii, hoi lallalla!
Я в целый свет влюблен.

Когда же я умру,
Помянут по добру
Меня: служил я честно,
И это всем известно.
И над могилой крест
Поведает окрест
Всем людям этих мест:
«Здесь маленький спит почтальон,
Почил в могиле тихой он.
Здесь маленький спит почтальон,
Теперь в могиле тихой он».

Летняя ночь.

В цветущем колыханьи
Вся полоса цветов.
И соловей ночь лета
Воспеть уже готов.
Как соловей — ты, сердце,
А чувство — песни клик.
Поет всегда о неге
Златой его язык.
Крылатым ароматом
И духи, и цветы
Поют моей любимой
Сон, полный чистоты.
Путь голоса находят
С моей подругой быть,
И в сны любимой входят,
Как золотая нить . . .

8 2781

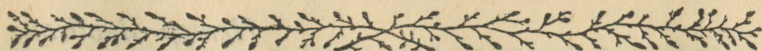
Летом.

Приветным ветерком зари
Тебя пробудит лето. В лес
Оно врывается. «Гори,
Как золото!» кричит земле . . .

Блестят, блестят глаза цветов.
О листьях песню бредить рад.
Тысячекратных голосов
Мотивы птичьи вверх летят.

Смотри, куда захочешь: синь
Небес сапфирных над тобой.
Куда захочешь, шаг свой двинь:
Вкруг лето с шолковой рукой.

Под звуки летние, в лесу
И под небесной синевой,
В слезах восторга пой красу
И радуйся, ликуй душой!

О, как холодно . . .

Как ледяны ветра крылья,
Юный луг и мурава!
Воздух листья взвил к полету,
Солнце светит нам едва.

Шел бы вверх к горам поспешно
И к долинам вниз по рву,
Видел бы цветок в них вешний
И прилег на мураву.

Возглас слушая пастушек,
Перезвоны бубенцов,
Птичий гам, — на зов макушек
Шел бы к зелени лесов.

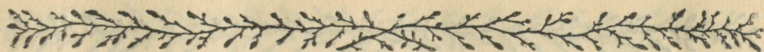
Разодень опять всю землю,
Радостный весны убор!
Пенье птиц я вновь приемлю,
Шолковых цветов узор.

Обман.

Ах, зачем ты слал мне стрелы боли,
Голубой красивый хитрый глаз?
Ах, зачем соблазн меня неволил,
Если сердце холодно у Вас?

Рая плодоносные долины
Плыли перед взорами души.
Жизнь с такой женой, жизнь без кручины
Рисовалась мне в благой тиши.

Красота и свет! Полны печали
Вы: отныне ненависти срок.
Грудь свинцовые об'ятыя сжали.
Грустью пахнет каждый мне цветок.

Воспоминание.

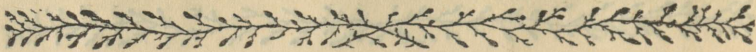
Ты помнишь ли, когда в лесочке
Ходили вместе на заре:
Пел соловей, цвела у кочки
Фиалка в росном серебре?

Ах, каждый звук нес в сердце искру,
Воспламенявшую его,
И на щеках, заревших быстро,
Любовь пылала оттого.

И положила ты цветочек
На грудь мне, полную огня.
Под мышку юркнула в комочек
Рука прелестная твоя . . .

Земля так свято отдыхала,
Не началась работа дня,
И листик тишь не колыхала.
Та ночь — священна для меня.

Моя душа желала-б снова
К тебе, о девушка, лететь:
Там жду я солнца золотого,
Где небо раз могло зареть!

Свадьба в природе.

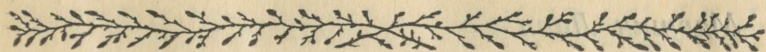
Я раз стоял в блестящей зале,
Где пиروавших без конца.
Прихода жениха все ждали
С улыбкой благодной лица.

Блестят нарядов пирных вкусы:
Иван да Марья, куллеркуп.
В листках серебряные бусы,
Бутон — из золотых скорлуп . . .

Звезда с востока озаряла
Путь новобрачный жениха,
Пылать весь воздух заставляла,
И пир блестел средь опахал . . .

Невеста, яркая Аврора,
Мигала с розовых небес.
Пред красотою звездной взора
Ничто — сонм свадебных чудес.

К невесте с песней многократной
На свадьбу поспешал жених.
Она ждала в порфире златной,
И на заре венчали их.

Лишь соловей златистогласый
Запел, пришел и ветерок,
Чтоб танцевать с цветущей массой,
И за цветком менял цветок.

За ветрам бабочка и пчелка
Прикрылились потанцовать
С цветами, что нежнее шолка:
И им хотелось пировать . . .

Окончился обряд венчанья,
И златогласый соловей
Спел новобрачным на прощанье
Песнь усыпленья из ветвей.

Вечером.

Луна взошла из леса
В волшебной красоте,
Загрезилась устало
Земля в своей мечте.

Шевелятся вершины
На горке: перед сном
Еще хоть раз стремятся
Склониться пред Творцом.

Из сини моря неба
Сверкают звезды мне.
Мы стражим, охраняя
Забывшихся во сне.

В долине, в доме милой,
Мерцает огонек.
Глаза мои влажнеют,
Настал молитве срок.

Мне кажется, что ангел
На арфе заиграл.
Так тихо и безмолвно
Свет в небе воссиял.

Мать, не брани.

Не брани меня, о мама,
Что вернулась поздно я,
Что влажна моя одежда,
Что в росе коса моя.

Ах, кукушка куковала,
На лугу цвели цветы,
Ждал возлюбленный у поля
От зари до темноты . . .

Лишь созреет рожь золотая,
Будут нас с ним обручать
И кольцо дадут на палец, —
Не брани меня, о мать!

(„Посл. Изв.“, Ревель.)

В море солнце опустилось.

Опустилось солнце в море,
Песни звук в волнах исчез.
Блеск последний — на просторе
Вечереющих небес.

О, прекрасное сиянье,
Как я радуюсь тебе!
Мой же путь — через страданье,
Путь мой — с муками в борьбе.

Счастья чистого блеск мирный
Вечен (лучшая из доль!)
Даже, если царь всемирный, —
Солнце, — погрузится в боль.

(„Вести Дня“, Ревель.)

Ян Бергман

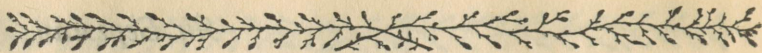
1856 г.

Маяк.

Бури шумел порыв,
На море бунтовал.
Пенный вал, накренив
Корабль, его обломал.

Темная злая ночь
Скрыла звезды с луной.
Готовы все изнемочь,
Путь утерян морской.

Мелькает издали луч —
С башни огненный глаз:
Снова корабль могуч,
Выправлен руль как раз.

Свободе.

Зачем ты в венах, кровь, кипишь
И, смелость, с уст слетаешь?
Зачем в глазах, слеза, блистишь
И, сердце, замираешь?
Небесный ангел мне явил
Свой образ с небосвода,
И чувства мне воспламенил,
И ангел тот — свобода!

Навек я твой и ты моя, —
Немыслима разлука.
Отстанет рабство от меня
И вместе с ним вся мука.
Нет сил, что могут разлучить
Меня с тобой: ни горе,
Ни боль, ни нищета — сдавить
Не в силах, нас поссоря.

Свобода! будешь ты моей!
Ты, дар небес, когда мне
Печально, гонишь грусть своей
Улыбкой. Горя камни
Легчишь и силы мне даешь,
И муки уменьшаешь..
О, знаю я — ты не уйдешь,
Я не уйду — ты знаешь!

(„Вести Дня“, Ревель.)

Тайный праздник Тары.

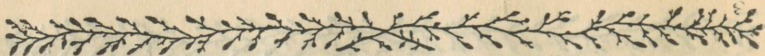
В зеленой дубраве, где ветер гудит,
И шопот, и шелест, и шорох бежит,
И пламя ближайших готово обжечь,
И брошен в то пламя весь в ржавчине меч.

То жертву приносит холопов толпа:
Погасшие взоры и в ранах стопа.
В кровь плечи изранил им рыцарский хлыст.
И руки, и ноги трясутся, как лист.

Но сердце не узник, душа — не сугроб . . .
Оков безразличья не знает холоп . . .
Вот Таре приносят козла из леса,
Жрецы шлют народу кусочки куска.

Из племени Калева держит мудрец
Горячее слово про прежнее. Жрец
Расцвет вспоминает, а также и тьму,
Пред Тарой хвалу возглашает уму.

Восторженно щеки пылают рабов,
И юность в них пышет от праведных слов;
Под крови кипенье, под пламя ланит,
И арфа рокочет, и песня звенит.

И дремлют красоты, и гаснут костры,
И молкнут напевы, и тлеют дары,
И дремлющих веки — под крыльями снов,
Таящих красу золоченых веков . . .

Когда ветер утром в листве загудит,
Поэзия рабства ночная слетит.
Вставайте, вставайте: к работе зовут
Надсмотрщики злобно. Упорствует труд.

В пользу народа.

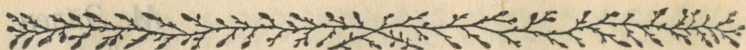
Для народа улицы
И дома запели.
Все в тоске сутулятся
И блестят в весельи.

Что-же я, несчастненький,
Сделаю народу,
Чтобы выпал красненький
День ему в угоду?

Выход восхитительный:
Я корчму открою, —
Бедняку действительно
Выгоду устрою.

Для народа буду я
Выполнять затею
И, в корчме орудуя,
Вмиг разбогатею . . .

(„Посл. Изв.“, Ревель.)

Спешка жизни.

Рви цветы поспешнее,
Бойся опоздания:
Дни минуют вешние,
Близко увяданье.

Ах, цветенье — миг один . . . .
Жизнь имеет крылья . . . .
Кто сегодня выгоден,
Завтра полн бессилья . . . .

Пусть удаляется горе.

Для вкушенья горести
Я немного молод.
Если бы не в скорости
Знать мне жизни холод!

Ах, под этой ношею
Содрогнутся плечи.
Горю не хорошие
Будут с горем встречи . . .

Постараюсь вражески
Горе облопошить.
Для подобной тяжести
Лучше выбрать лошадь . . .

И волнам озерышка
Это не в перуны:
Ведь они, как пёрышко,
Поднимают шхуны.

Вечно жить с тяжелыми
Мыслями устану, —
Лучше я с веселыми
Веселиться стану!

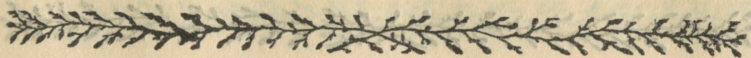
На пути Поэзии.

Поэзии вершин хотел достичь я.
Я знал, она светла и глубока.
Хотел постичь всех стран ее обычай,
Но не было со мной проводника —

Без гения я был. Но безразличие
Душе так чуждо: пусть была тяжка
Дорога — усталь, засуха. В отличие
От всех других, я знал: цель далека.

Тускнеют взоры, на щеках морщины.
Как нищий, вижу снизу: исполины
Идут туда — к священной Красоте.

Смотрю я проясненными глазами
И вижу: наверху, вдали, как в храме,
Поэзию в глубокой полноте!

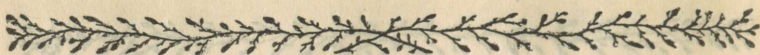
У могилы Петера Якобсона.

Ты пел о счастье, радости и боли,
И на вершины ты любовь вознес.
Ты низость осуждал, причину слез,
Ты грязь клеймил, наперстницу неволи.

Ты песни собирал в лесу и в поле.
В них сладость молодых любовных грез,
Что в радость превращают грусть. В мороз
И в зной поют их в избах злой юдоли.

Печальные, серьезные, сквозь слезы,
Сквозь завесы туманные, без позы,
Ряды твоих еще даются пьес.

Взор зрителя насыщен созерцаньем
Картин твоей-же жизни, где страданьем
Отмечен шаг, и тяжек ноши вес.

Отрывок из „Долины духов“.

И вот на туманном явилась экране
Толпа молодых и красивых.
От их украшений на шеях — сверканье,
И грезят они о мотивах . . .

У них арфы, трубы; у них окарины
И заняты девы настройкой.
Одна держит палочку. Как балерины,
Скользят, — и мотив льется бойкий . . .

Утихнет природа, и ветер не дует,
Тягаться-ли с эльфами птицам?
Все ноты в груди замирают: волнует
Песнь, свойственная небылицам . . .

Одна песнь звучнее другой. Полный неги
И нежности, слушая пенью,
Загрезился юноша, в чарах элегий
Любимой забыв уверенья . . .

Туман исчезает, и песнь умолкает.
Игра продолжается. Снизу
Рой духов иных за горой возникает,
Рассеяв туманную ризу . . .

Оттуда, где так золотеют ступени,
Идут желтолицые духи.
И руки, и ноги их тощи. И пени
В глазах, что и блеклы, и сухи.

Они упадают в об'ятья поющих
И пир начинают и танцы.
Нет радости грани в руках их зовущих,
В глазах зажигает страсть глянца...

И путник усталый, смотрящий спокойно,
Склонился-б на мох, как на ложе,
Когда бы он мог. Но средь девушек — знойно,
И вот отдохнуть он не может...

Зовут девы путника к танцу так нежно:
— «Здесь нет ни сословий, ни власти.
Здесь некогда думать о сне. Безмятежно
Предайся блаженству и страсти.

Здесь лет не считают и счастья не весят,
Не знают часов. Дни и ночи
Здесь игры и плясы. Любовью лишь грезят,
И страстью сверкают здесь очи...» —

Дни путника в танцах сменяются днями,
Он с эльфами вместе ликует,
Глаз молнии видит своими глазами,
Любовь его ночью целует...

Но нет, он не может играть бесконечно:
Его истощаются силы.
На ложе из мха упадает он: вечно
Плясать — далеко-ль до могилы?..

«Как уши устали от эльфовых песен!
Тоскую о жизни духовной...
От радости вечной мир сделался тесен,
И кровь эта мнится бескровной...»

И он вспоминает свой дом и любимых
 И хочет вернуться при росах . . . . .
 Но странно : его волоса — точно в дымах,
 И тело склонилось на посох . . . . .

Звон-перезвон.

Цветного блеска полон луг.
Повсюду ликования звук
И зыбь, и колыханье.
Не оторву от луга глаз:
Весь воздух, как единый глас, —
В нем звон и трепыханье.

Что видит глаз, что слышит слух,
Мне в душу веет, точно пух.
Блеск, звоны, перезвоны.
Избыток жизни давит грудь,
Всей грудью хочется вздохнуть,
Чтоб сбросить все препоны.

Душа вскипает. Красоту
Давленья песнею почту, —
От песни станет легче.
Петь с голосами на лугу
Я гóлоса не берегу
Под звоны птичек певчих . . .

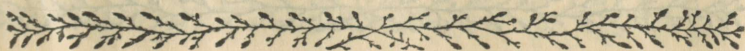
Звон-перезвон.

Корчма.

Эту ветхую избушку
Ветер на бок повалил:
Удержать ее на месте
У подпорок мало сил.

Упадая, на соседку —
На корчму — взглянула зло,
Будто та была виною,
Что избе не повезло . . .

(„Посл. Изв.“, Ревель.)

Пресыщение.

Мне смерть страшна, пока иду вперед,
Живя и собирая впечатленья,
Пока меня волнуют все движенья,
Которые показывает жизнь мне.

Я думаю, когда в земной отчизне
Познаю все, страх смерти испарится, —
Я буду к смерти жадно сам стремиться
И видеть в ней потребность в свой черед.

Развалины.

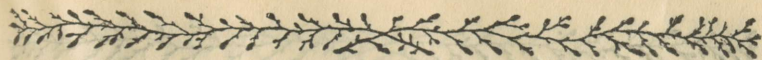
На покато́й по́жне,
Где ручей течет,
Тихая береза
Без подру́г растет.

Длинною макушкой
Издали она
Через луг в деревню
Каждому видна.

Свежий ключ струится
Под березой той,
Он струится тихо,
Солнцем залитой.

Там останки бани
Спят над ручейком,
Под покато́й по́жней,
Тронутой песком.

Только это признак,
Нет иных. Туда
Воду пить приходят
Изредка стада.

Ах, не без значенья
Даже эта глушь,
Мертвенная свиду
Средь осенних луж.

У березы скорбной
Полон боли взор,
Взор, смотрящий тихо
На заросший двор.

Смотрит, будто ищет
То, что было там,
В памяти скрывая
Грустное мечтам.

И когда шумливо
Ветер налетит,
Никлая береза
Шепчет и грустит.

Шепчет, будто ветру
Что-то говоря
Обо всем, что время
Причинило зря.

Так же, как береза,
Плачет и ручей,
Плачет он томяще
Влагою своей.

Да, у них есть много
Дум, — всех не избыть.
Груз воспоминаний
Можно-ли забыть?

На покатою позже
Под березой той
Тихая избушка
Дремлет над водой.

Где теперь лишь рухлядь,
Счастлива была,
Никому быть лишней
Хата не могла.

Вдалеке от барских
Блещущих хором,
От большой деревни
С плачущим рабом

Счастлива избушка.
Но не без труда
Там она возникла,
Где ручья вода.

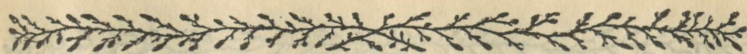
Жил в ней поселянин
Со своей женой,
Жил он беззаботно,
Не знаком с бедой.

Он трудился честно
И себя кормил,
Огород устроил,
Не жалея сил.

Жизнь не золотая,
Правда, но мужик
Старостинной палки
Ведать не привык.

Не мешая людям,
Тихо жил себе
Со своей женою
В маленькой избе.

Днем работал летом
По чужим полям,
Не сидел без дела
И по вечерам.

Все его соседи
Звали бондаремъ.
Онъ названье это
Заслужилъ трудомъ.

Покупалъ для кадок
Доски изъ березъ,
На салазкахъ в волость
Эти кадки везъ.

Такъ какъ у супруговъ
Не было детей,
Имъ жилось лучше
Брепостныхъ людей.

Такъ летели годы,
И у бондаря
Время станъ склонило,
Кудри серебра.

Думалъ старый: „будетъ
Все, какъ было, впредь,
Что ему удастся
В хатке умереть.“

Но обманетъ вскоре
Наша жизнь всехъ насъ:
Ахъ, беда нагрянетъ
И в нежданный часъ.

Разве туча съ градомъ
Мыслитъ о цветахъ?
Разве рокъ печется
О людскихъ мечтахъ?

Вотъ в имении умеръ
Старый господинъ,
Помогавший беднымъ
Целый рядъ годинъ.

Облегчавший нужды,
Как умел и мог.
В душах благодарных
Цвел ему цветок.

Стало по иному
После смерти той, —
Новые порядки
Барин ввел другой.

Барщина на волесть
Распростерла власть,
Разные налоги
Стали, просто страсть!

Самое-ж плохое
Было впереди:
Новый бань не любит,
Спорь-ка с ним, поди!

Оттого разослан
Волостью приказ:
Банные избышки
Разломать как раз.

Много-много плача,
Много-много слез
Бедным поселенцам
Тот приказ принес.

Только кто-же видит
Слезы бедняков?
Ах, кому охота
Быть за голяковъ?

Эта весть домчалась
И до бондаря,
Но не верил старец
Думал: „брешут зря“...

Но не верил старец,
Думал: „это вздор“...
Сердце все же билось
Жутью с этих пор.

Как он испугался,
Растерялся как,
Видя, как избушку
Рушить стал батрак!

Он молил пощады
Барского раба,
Только безответной
Та была мольба...

А жена стояла,
Тупо онемев,
Без одной слезинки,
Молча побледнев.

А когда работу
Кончили „они“,
Умерла старушка,
Скоротала дни.

Запахнулись годы
В полы злых времен
Вдоль немых развалин
Слышен бури стон.

Ныне, как и прежде,
Все они стоят,
Людам не мешают,
Да и не хотят...

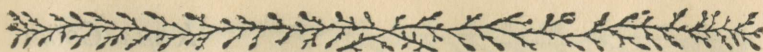
Все шумит береза,
В ветре чей-то крик,
Будто умоляет
Палачей старик.

Катится из глуби
Маленький ручей —
Символ слез старушки
И ее речей.

Жалобы печально
Точат старики.
К небу вьются пени,
Полные тоски.

К благодному Богу
В синих небесах,
Кто сказал когда-то:
— „Суд в моих руках.“

Сонет.

Душа кипит, но скован мой язык.
Твои слова всю грудь мне раздавили.
Твой облик уничтожить я не в силе:
В моих воспоминаньях он возник.

К тебе стремятся помыслы. Твой лик
Влечет к себе. О, если-б вместе были
И ты, и я! Лечу в мечтах сквозь были,
Путем Поэзии к тебе проник.

В моих сонетах — боли и надежды.
Возьми прочти и разберись сама, —
Освободишь иль обречешь страданью.

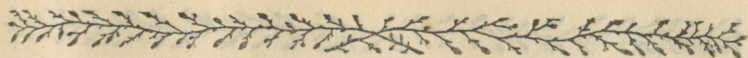
Раз на любовь мою не дрогнут вежды,
Пощады не молю: пусть будет тьма, —
На боль мою не обращай вниманья.

Предчувствие.

Чую: на родимой почве
Исчезает все, что я
Так любил, с чем связан был я
Узами, любовь тая.

Чувствую, но я не в силах
Быть спасителем. Да, там
Будет все, что ныне чую,
И... и я исчезну сам.

Песни все в тонах кровавых
Возникают в глубине.
Над могильными цветами
Слезы льются в тишине.

На лесной дороге.

Брожу я вечером поздним
Лесною дорогой один.
И ветер шумит в деревьях,
И падают листья с вершин.

Брожу я вечером поздним
Лесною дорогой один.
И вдаль, в молодые годы,
Летят мечты от седин.

Я девушку знал когда-то:
Блестящи ее глаза;
Как золото — сердце, и губы!
Пылала в груди гроза...

Какое большое счастье,
Огонь и любовь я знал.
Но свет и людей я тоже
Впоследствии повстречал.

Брожу я вечером поздним
Лесною дорогой один.
И ветер шумит в деревьях,
И падают листья с вершин.

(„Сегодня“, Рига.)

У могилы Крейцвальдта.

Здесь отдыхает под землею
Народа честный сын,
Кто огненным столпом в пустыне
Светил среди кручин.

Нет, лет прошло с тех пор немного, —
И нужен он кому?
И близок крест его к паденью, —
И кто придет к нему?

Нет слез, которыми оплакать
Поэта смерть, нет слез.
Нет нежных рук, чтоб на могилу
Снести душистых роз.

С тебя достаточно, что тихо
В земле ты можешь спать.
С тебя достаточно, что распри
Не будут впредь терзать.

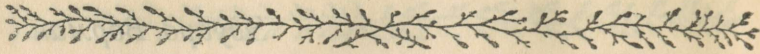
Идут — идут сыны народа
Другие за тобой.
Единой будет им наградой —
Сон мирный под землей.

(„Посл. Изв.“ Ревель.)

Родному языку.

Песнь русалок, воздух нежный,
Тающий мотив сирен,
Колокольцев звон элечный,
Пламя рощ, цветов рефрен,

Пенье птиц, — всё это тает
Звонко-звонко в чудный миг,
С уст моих когда стекает
Дорогой, родной язык.

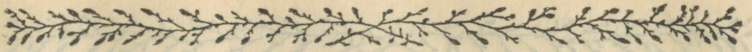

Судьба.

Я — шут судьбы. Она строга:
Бозел, влекомый за рога . . .
Она не выбирает путь,
А просто тащит как-нибудь . . .

Пускай сломаются рога,
Пускай оступится нога,
Пускай усталость свалит с ног, —
Злорадно смерть придет в свой срок.

(„Посл. Изв.“, Ревель.)

По этапу.

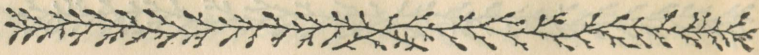
Достиг я середины жизни,
Как заблудившийся в пути,
Кто потерял свою деревню,
Кому отчизны не найти.

В вечернем золоте за мною
Смеется девушка светло:
О, молодость! ты оттолкнула
Меня! ты поступила зло!

А предо мной, смотри, в тумане
Сидит гороховым шутом
Старушка серая и манит:
О, старость! ты — в виденьи том.

О, если-б хоть на четвереньках
Вернуться, убежать назад...
Пол-жизни отдал бы на это,
Когда бы смог, — и был бы рад!

Но время казаком карает,
Конвой влечет меня вперед...
Что делать мне? увы, я знаю:
Долг выполнится в свой черед...

Судьба и свет вблизи дороги
Издевкам предают меня:
Мальчишки злые! Пусть подходит
Казак: жду, горечь слез кляня.

Кто знает, где моя пещера,
Та глушь, куда меня ведут?
Пусть милостивым будет, Боже,
Над бедным Твой Правдивый Суд!

Судьба.

Пустыня

И — в степи, в долине, в горах
Как влюбленные вдали,
Кто потерял свою дорогу,
Кому отчаянье в сердце.

В восторг заводит нас степь,
Сквозь дымку туманную
О, как хочется, как хочется
Меня ты поздравляешь, судья.

А предой, смотри, в тумане
Синий гороховый цвет
Отрубка серая и мякоть:
О, старость! ты — в выгнанных том.

О, если б тот же четвереньки
Вернулся, убежал назад...
Под-живи отдай бы на это,
Коль бы смел — в быль бы рад!

Но не вни наскоком карает,
Канной вьет жень шерсть...
Кто думает, кто знает,
Долг выживает в свой черед.

Калевич и лесная дева..

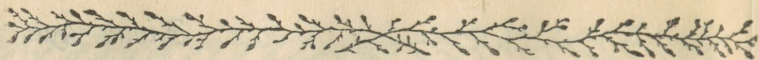
Стояла летняя пора,
В душистых листьях лес.
Шел в блеске рыцарских забрал
Калевич, друг чудес.

В лесу плясала на цветах
Красавица одна.
Держа цветочный жгут в руках,
Плела его она.

Но, увидав богатыря,
Оставила свой пляс.
Богатырю благодаря,
Жгут выпал, развалясь...

По сердцу девушке лесной,
Видавшей лишь пустырь,
Пришелся этот молодой
Калевич — богатырь!

„Когда бы мужем был моим
Царевич, даже лес
Цветущий бросила, и с ним
Ушла на грань небес...

На всё была-б готова я,
Все жертвы принесла,
Чтоб чистая любовь моя
Достичь его могла!“

Беззвучные ее слова, —
Что ветер колыхал
Не громче, чем шуршит листва, —
Калевич услышал.

Он ласково сказал в ответ:
— „О, нет! я муж плохой...
Спасти страну свою от бед
Иду тропой глухой.

Моя невеста и жена —
Отчизна. Нет иной.
Ты мужу лучшему нужна,
О, мой цветок лесной!“ —

(„Вести Дня“, Ревель.)

Зимняя красота.

Падал снег на гор вершины,
Зелень дружно покрывал.
Краски гасли, и долины
В чарах белых покрывал.

Солнце весело сияет,
И в сердцах — восторга клик.
Золот снег. И ослепляет
Всем глаза алмазный блик.

Ткет серебряные листья
Разодетый в иней лес.
Платьев снежных тюль огнистей
От сверкания небес.

У зимы игр много странных:
На стекле растут цветы,
Воды в колпаках стеклянных,
Путь — свинцовые мосты...

Не зиме тебя печалить,
Только нрав ее суров:
Хочет холодом осталить...
Вешняя краса — Любовь!

Ах, не говори больше . . .

О, пощади от слов жестоких,
Что гаснет на земле любовь,
Что в мире мало чувств глубоких,
Что для любви остынет кровь . . .

Любовь растает — дни растают . . .
Что жизнь земная без любви?
Не говори: мне причиняют
Такую боль слова твои!

(„Посл. Изв.“, Ревель.)

Женщины готовятся ткать.

Женщины собирались
Под окошком ткать.
Колыхнулась робко
Мыслей ткань опять.

Ах, ты моих мыслей
Безконечна ткань!
Ах, ты моих мыслей
Безпредельна ткань!

Раз была ты красной, —
Красной, кровавой, —
Белоснежной тоже,
Темно-голубой.

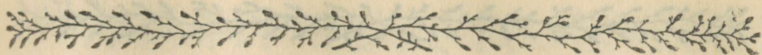
Красной, белой, синей, —
Небной синевы, —
Вы светили в сердце
Звезды, солнце, — вы!

Ах, моих-ли мыслей
Разорвалась ткань?
Сердце издрожало, —
Будет, перестань!

Ах, кругом разносит
Ветер те куски.
Я найду не счастье, —
Только лоскутки...

(„Вести Дня,“ Ревель.)

Рот.

Рот стар земляно,
Да, как земля.
Лицо все в думе,
Святым внемя.

Лицо, ты в думе...
Какая тишь!
Безмолвно в боли...
Да, ты молчишь.

Ты честно, тихо,
Все залито
Небесным светом
И — золото...

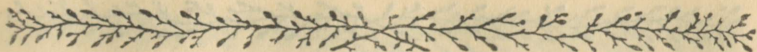
О, земляная
Ты мать моя!
О, золотая
Ты мать моя!

О, вереск! о, цветок!

О, вереск, вереск! о цветок!
Пронзает осень твой росток.
Устал, печален. Ну так что-ж?
Ты мягко, нежно всё цветешь,
О, мой цветок!

О, вереск, вереск! о, цветок!
Печаль меня сбивает с ног:
Любовь и осень, смерть в свой срок —
Твой глаз лилов и так глубок —
О, мой цветок!

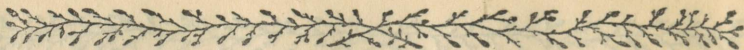
Чёрен потолок в нашем доме.

Ах, чёрен наш потолок,
Да, чёрен, закопчен.
О, там паутина и сажа,
Сверчки, тараканы и — сон...

Про все, что он слышал — видел,
Немыслимо сказать.
Как боль бросает тени!
Как хочет лик менять!

Он видел немало плача
И много ссор не раз,
Так много — много боли,
Господь помилуй нас!

Ах, чёрен наш потолок.
У века, может быть,
Черней. Как в цепях, вьется век.
Если-б он мог говорить!

Ржаные снопы на гумне.

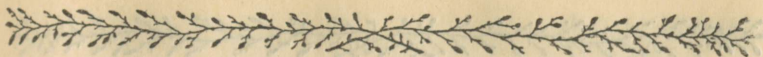
В чистой тишине
На родном гумне
Не звучат стопы,
Сушки ждут снопы.

Тишь, святая тишь,
Ты в снопах стоишь.
Золотых солоом
Полон хлебный дом.

В чистой тишине
На родном гумне
Мир в снопах святой
Мысли золотой.

Вспоминают миг,
Как весной старик
Весь седой, шагал, —
Семена ронял.

Он свершал свой путь,
И желала грудь:
Счастье очагу,
Дому на лугу.

Счастье сыновьям,
Внукам, их делам,
Правнукам сынов —
На века веков!

(„Посл. Изв.“, Ревель.

Одвѣтъ оцѣнѣмъ
Видѣмъ ихъ мѣсяцъ
Привнѣмъ оцѣнѣмъ
На поляхъ вѣномъ!

(Слова Нав. Гевелл.)

Осень.

Скучно. Глина. Поле голо.
Е тучахъ неба муть.
Я иду к опушке леса,
Где к полянке путь.

Бархат сосен вечно зелен.
Одиночье грѣз . . .
Сосен зелень ярко-цветна,
Желтозлатъ берѣз.

Ярко-цветна зелень сосен,
Желтозлатъ берѣз.
И поляна — вся в об'ятяхъ
Предосеннихъ грѣз.

(„За Свободу“, Варшава.)

В чистой нѣмѣ
На розной гудѣ
Миръ в снѣгахъ
Всѣмъ живымъ

Возвѣщаютъ мѣс,
Вашъ мѣсяцъ стужа
Вашъ годъ, вѣкъ —
Свѣтъ рожда.

Онъ свѣтитъ свой путь
И жалеетъ гудѣ
Свѣтъ свой
Дому на зрѣ.

Мы были, как дети.

Мы были с тобой, как дети,
Играющие в цветах.
Само золотое солнце
Блестело у нас в глазах.

Мы были с тобой, как дети,
Блуждающие в цветах,
Незнающие дороги
Домой, с глазами в слезах.

Мы были с тобой, как дети,
Ослабнувшие в путях,
Уснувшие над обрывом,
Невидимым им впотьмах.

Мы были с тобой, как дети —
Не в ангельских-ли крылах? —
Которые над обрывом
Забылись в безгрешных снах.

(„Посл. Изв.“, Ревель.)

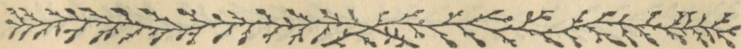

Я ненавижу тебя.

Тебя всего я ненавижу:
Твоя увядшая душа
И теплота дают возможность
Жить не спеша — не не спеша...

Я не терплю тупую радость,
Твою холодную печаль...
Ах, из костра экстазов жизни
Дать искорку тебе могла-ль?

Тебя я ненавижу вечно,
Но больше все-таки люблю!..

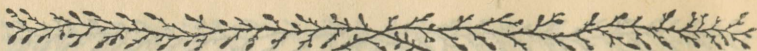
Не могу молчать!

Нет, я не могу умолкнуть,
Песню сердца прекратить.
Ложью было бы молчанье,
Оборвало-б сердце нить.

Тихо-тихо петь хочу я,
Чтобы арфа, чуть звеня,
Песнею не надоела,
Самый милый для меня.

Ну, а если инструмент мой
Бурю звуков бы пролил,
Будешь сам повинен в этом:
Отчего ты мне так мил?

(„За Свободу“, Варшава.)

* * *

Единый раз, — ни разу больше! —
Действительно любить дано,
Цветку любви в груди земного
Дано цветение одно.

Любовь, которая исчезнет
И позабудется, и вновь
Любви иной в груди даст место,
Любовь такая — не любовь.

Единый раз, — ни разу больше!
До самой смерти только раз!
Ах, ни одна не в силах сила
Задуть святой любви экстаз!

(„Двинский Голос“.)

На крылах поэзии.

Хотел бы на крылах искусства
Тебя взнести я за собой.
Летели-б мы, в порыве чувства,
Сквозь сини неба над землей.

Луна алеющая, солнце
Светили-б под ногами нам.
Звезда последняя в оконце
Из туч сияла бы очам.

На той звезде приятный отдых
Нашли бы мы. Тот уголок
В приветливый нас принял воздух,
Где-б каждый усладиться мог.

Там не нарушила бы зависть
Восторг влюбленных. Божий взгляд
Нам милосердную в глаза весть
Пролил бы, полную услад.

Там я тебе сказал бы нежно,
Сколенившись перед тобой:
— Тебя люблю я безмятежно
И вечно, вечно буду твой! —

(„Сегодня“, Рига.)

Руины.

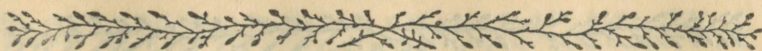
Все я покачиваю головой
И не могу не смеяться:
Как рассуждают серьезно они,
Жаждут за „дело“ приняться . . .

Жаждут руины они сохранить,
Предохранить от паденья.
Но лишь поднимется ветер, слетят
Башня и крыша в мгновенье . . .

Щели в фундаменте. Боже, спаси,
Как с этим справиться просто
Вешнему дню! И развеется в миг
То, что стояло лет со сто . . .

Как заплатать, подпереть и сберечь
Стены, чтоб твердо стояли,
Чтобы и солнце, и ветер, и дождь
Долго их не распатали . . .

Все я покачиваю головой
И не могу не воскликнуть:
— Вашей работе ничтожных умов
Надо пред временем никнуть.

Все исчезает на свете в свой срок, —
Лучше разрушьте руины . . .
Новое зданье постройте, где жить
Можно без слез и кручины . . .

Горды

Но предвзяты вы дружны — поны
Ведь и не видишь. Окажет кто
Тебе спасибо, как не знаешь
Вопыт проваешь, кто не стон?

Тебе все сердце и вранья,
И ты и отлет мне сердце дай,
Нолька любовь и ошущая,
И ты любовь отговаряй.

О вет, и не слепой мятелью
Кто говорит: „Я не вижу,
Люди являю и обидя,
И влюблен тебе щипу“.

Здесь ступи явномы неиде;
„Цыта ступ за буд и глас за глас“,
Линя те, зине те любовь являю,
В всем сердце светлая замкляю.

Тебе я столько предвзяю,
Как много жду я от тебе,
Тогда насталою признанию,
Как много я даю, когда.

Гордый.

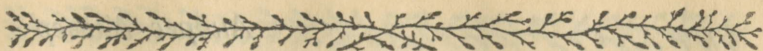
Не предлагай мне дружбы, — помни,
Ведь я не нищий. Скажет кто
Тебе спасибо, коль на зло мне
Вокруг бросаешь крошек сто?

Тебе все сердце я вручаю,
И ты в ответ мне сердце дай.
Когда любовь я ощущаю,
И ты любовью отвечай.

О, нет, я не слепой мечтатель,
Кто говорит: „Я не ищущу
Любви взаимной и об'ятий
И нелюбовь тебе прошу“ . . .

Здесь старые законы всели:
„Пусть зуб за зуб и глаз за глаз!“
Лишь те, лишь те любовь вкусили,
В чем сердце светлая зажглась.

Тебе я столько предлагаю,
Как много жду я от тебя.
Тебя настолько принимаю,
Как много я даю, любя.

Подарков мне не надо — даром
Не принимаю ничего.
Но проникать не дам угарам
В глубины сердца своего . . .

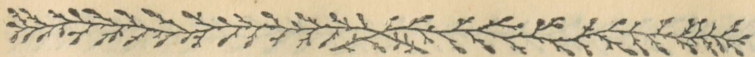
И как бы боль ни бушевала
Перед разлукою — в груди,
Я не молю любви ни мало :
Ведь, я не нищий, — проходи . . .

Ночь.

Волны озеро шлет нежно
К побережью, рокоча.
И сияют безмятежно
Взгляды лунного луча.

На полярном горизонте,
Вероятно, Эмарик
Койт целует . . . Обессоньте,
Ветерки, озерный лик.

(„Посл. Изв.“, Ревель.)

К лету.

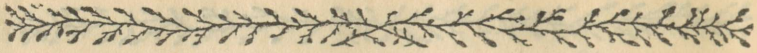
Как я люблю тебя, благое лето,
Игру твоих и бабочек, и птичек,
Прохладу листьев в озареньи света
И мягкий мох в лесу, что полн величья.

Как я люблю полей твоих обилье,
Где благодать открывает жизни вены.
Колосья напрягают там усилия
Под солнцем, золотящим гривок крены...

Как я люблю воды твоей теченье
Прохладное и в постоянной зыби,
Роскошные покосы в озареньи
Мильонов красок в ветровом изгибе.

Как я люблю бег туч твоих грозовых,
Откуда, через море, голос грома,
Где молнии бегут в блестящих зовах,
Как будто рушат мир огнем излома...

Как я люблю ночного неба своды,
Встающую луну и звезд сиянье,
Закатных тихих красок хороводы.
Но более всего — зари сверканье...

Воспоминание.

В листьях — таинственный шопот и шелест,
Игры весенние ветер завёл.
С гор вниз стремятся пенные волны,
В море стекающие через дол.

Бейся, о сердце! вслушайся чутко:
В жалобах тают звуки рожка . . .
Это рыбак в отдаленьи играет, —
Песня в долине и на горе . . .

Сердце страдает, сердце все в столах . . .
Голос любимой издалека,
Нежно звучавший мне так недавно . . .
Губы к губам. Сердцу больно и жутко.

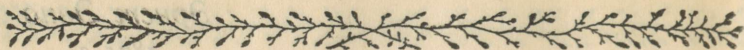
Луг и кустарник были в цветеньи,
Весело пел соловей на заре.
Слышишь? рыбак в отдаленьи играет, —
Песня в долине и на горе . . .

Тяга домой.

Теперь цветет там, дома, белый клевер,
Играет ароматом ветерок,
Вокруг меня печаль поет и веет.

И там, где пыльная ведет дорога,
Такая длинная, к лесам отлого,
Там разговор берез ткёт в небе тучи,
Меня влекущие домой могуче.

Таинственно поет печаль и веет:
Ах, дома расцветает белый клевер . . .

Воспоминание.

Номод 5787

Вечер в избе.

Вечер, удлиняя отдых,
Разговоров нить плетет.
Темнота вокруг блуждает,
Плачет с ветром и поет.

Тиканье часов. За печкой
Тихи песенки сверчков.
Холод бабушкиных дряхлых
Угасающих зрачков.

Мать с отцом вкушают отдых,
Их дыханье — гребля снов.
И движенье домового
Слышно где-то там у дров.

Кто-то в комнате все ходит, —
Оттого огонь завыл,
Кто-то все в окошко смотрит.
Что за звяк? Кто-б это был?

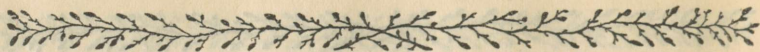
Тьма расхаживает. плачет,
Плачет с ветром и поет.
Тени ночи наполняют
Сердце, — грусть его гнетет.

Тиканье часов. За печкой
Тихи песенки сверчков.
И исчезнувших столетий
Нескончаемость шагов.

Говорят столетья. Слышно
Лишь дыханье — сны гребут.
И под вздохи домового
Миги тают и текут.

(„Вести Дня“, Ревель.)

Я приду поздно.

Ко всем другим приду я с опозданием,
Постигший слишком поздно красоту.
Ах, я привык опаздывать к победам
И потому венка на грудь не жду.

Один, один пою я песнь из сказок,
В которых схоронили в землю луч,
Чтоб он возрос, и люди в грудь впитали
Стремленье вознестись превыше туч.

Свой дух стремил в небесные пределы,
Мой плач летел туда, в глухую ночь.
Ко всем другим приду я с опозданием —
В мечтательных напевах изнемочь.

Лунные отблески.

Так лунные отблески ясны.
Все тучи пропали.
Но сердце болит и томится.
Все думы увяли.

На море свет к небу дорогу
Ткал ясно — лучисто.
Там память бродила, где солнце
Когда-то огнисто.

Так лунные отблески ясны.
В волнах песнь уснула.
В листве пожелтелой и блеклой
Лишь осень вздохнула.

Одному ребенку.

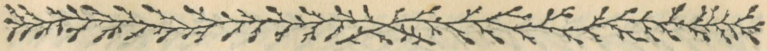
Твой яркий смех в мой кабинет влетает,
Твой яркий смех!
Как озеро — весло, грусть рассекает
Книг этих всех.

Ах, две косы и ямочки на щечке,
Ах, две косы!
Глаза блестят (мать мыла глазки дочке!)
Как две строфы.

Твой скок — прыжок в веселых плясных ножгах,
Твой скок — прыжок, —
И в комнате — по стенам и в окошках —
Бьет жизни сок!

Серьга весны, иди сквозь жизнь бездумно,
Серьга весны!
Не спрашивай, зачем грущу безумно,
Светло видь сны...

Пусть вечен пляс в ногах твоих легчайших,
Пусть вечен пляс!
Да будет им услада игр сладчайших
В счастливый час!

О, лишь герой, смеясь, свой траур носит.
О, лишь герой!
Лишь он стоит бесстрашно на откосе
Во тьме ночной!

Кошмар.

Вот и голова отошла,
Ночь даже огу зашла,
В отлет краю.

Юности вера, иде ты,
В сердце туженье мести,
Мучу твою.

Дело дней сердца закрыл
Был заколоченный ох
Ночь негой.

В тенью навеяна земля,
Даже во сне не явля,
Ужас со мной.

В тенью земля ты вьешь,
Тунь вьешь тушу:
„Помощь поддай!“

Рей-то как будто война,
В ветре таинственный вояк:
„Помощь поддай!“

О, душа твою, смелая, свой путь пошла!
О, душа твою!
Душа на трон бесстрашно на отходе
Во тьме ночной!

Одному ребенку. Кошмар.

Твоей мысли смелая в ней пылится пылаем,
Ты
Как она
Куда

Боль в голове ото дня.
Ночь даже сну западня
В отчем краю.

Ах, где
Ах
Глаза блестящие
Как это

Юности вера, где ты?
В сердце томленье мечты,
Муку таю.

Твоей мысли смелая в ней пылится пылаем,
Ты
Ты

Дело дней серых закрыл
Круг заколдованный сил
Ночи немой.

В в комнате — в комнате в в комнате —
В
Серебря

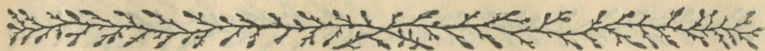
В темном плененъи земля.
Даже во сне не внемля,
Ужас со мной.

На
С

В темном, земля, ты плену.
Тучи закрыли луну:
„Помощь подай!“

Пусть
Да
В

Чей-то как будто возник
В ветре таинственный вскрик:
„Помощь подай!“

Чувствую: руку занес,
Чтоб умерщвлять, дух угроз —
Сам сатана.

Чувствую: брат мой зовет.
Помощь душа не дает:
В путях она.

(„Своб. Слово“, Ревель.)

Боги и глупцы.

Боги бессмертные, в небе живущие.
Смертные дурни, в низинах ползущие.

Здесь даже днем — ни конца, ни начала.
Лишь по ночам от них свет излучало.

Тысячи, тысячи там светлых окон.
Щеки ничтожных, вперивших в высь око.

Никнут, вздыхая, певцы. Плачут жены.
Глухи недвижных друзей моих стоны.

(„Своб. Слово“, Ревель.)

На память.

Кому дано светить, как солнце,
Пусть светит солнцем над землей.
Кому — как молния, ударить,
Безжалостно ударит пусть!

Арфа Vanemuine.

Что там блестит и надеждою светится?
Знак сотворения мира известится.
Ярко блистающая над Eesti
Арфа Vanemuine.

Так ли и встарь ты звучала, могучая?
Воспламеняла-ль тоску в душах жгучую?
Сказка чудесная нам осталась —
Арфа Vanemuine.

Ныне какое нам дашь посвящение,
Нашим сердцам пламя и с'единение,
Чтоб тебя чувствовать мы сумели,
Арфа Vanemuine.

Тайное что-то у нас уже движется,
В рощах шумит и в волнах зыбко низется
Уж не весна-ль! Ликуй тогда, громко,
Арфа Vanemuine.

Лишь, разделяясь, ущелья изменятся,
Гневные воды меж нами запенятся.
О, тогда будет одно лишь общим —
Арфа Vanemuine.

(„Своб. Слово“, Ревель. 1921.)

Утро.

Вновь воскресая я каждое утро —
Розовая, в светлой пене простынь;
Блондных волос ручейки, — желтовинь, —
Льются с висков — с чаши из перламутра.
Вновь я интимна, свежа и тепла!
Вот соскользнули с цветущей постели
Белые ноги одухотворенные,
Лунью расплавленной осеребренные,
Струйки одежд молоком заблестели.
Пауза солнца к заре истекла.
Сыплет ко мне золотистый песок
Солнце на сонные крошки — окошки,
Тихо, невестно, зовет на дорожки.
В дребезги сердце распалось. Глубок
Сад, как колодец, прохладен и зелен,
Полон предчувствий, как тайна великая.
Здравствуй, *Сегодня!* покойся, *Вчера!*
Утро — мост роз, сходня розовобликая
К дню. День — корабль, к чуду путь чей нацелен:
Синему парусу вздуться пора.

Синяя терраса.

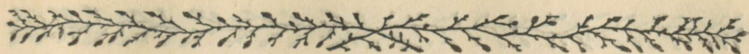
Полна терраса синяя зари . . .
Как на окно бросает тюль пунцовый
И на плечи платок мне весь багровый
Закатный диск! Как вянет он, смотри!

Кровавой связкой роз на алтари
Небесные свет брошен. Нездоровой
Любви полны цветы. Впивая снова
Их аромат, сижу я, — час ли, три, —

На лестнице из камня обветшалой,
Где робко из рассыпчатой щели
Ромашка распускает цвет усталый,

Настурции во влажной борозде
Травы, ползя, мне туфли оплели,
И ароматы благодсть льют везде.

(„За Свободу“, Варшава.)

Солнечная ванна.

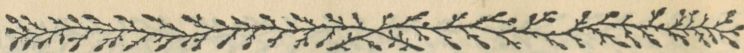
О, как волна полей звенит шумливо!
Трава высокая на берегу сочна,
Как в вышивках цветных блестящая стена . . .
Нагая, в солнышке, лежу я молчаливо,

Пришедшая из города сонливо,
Безкровная, усталая, бледна . . .
Пьет тело солнышко, как золото вина,
И сердце хмелю отдается хлопотливо.

Жужжа, пчела с цветов собирать готова мед
И удивляться мне, неожиданной, точно чуду . . .
Целует руки нежно бабочки полет,

И кудри блондные колосьев вьются всюду,
Откуда синенькие глазки васильков
Меня осматривают, свой бросая зов . . .

(„За Свободу“, Варшава.)

Экстаз.

Прелестна жизнь земная, и могучи
Бессмертной крови вечные стремленья.
Я отдаюсь веселью упоенья,
Уравновешенность чужда мне жгуче.

У ног моих, как пена, что кипуча,
Бледно-зеленый шолк одежд. В смятеньи
Спадают все покровы, — без сомненья
Нагая женщина гораздо лучше . . .

Зачем так пахнешь ты, гелиотроп,
И сумерки синеют, точно сказка?
Я такова, что каждая окраска

В моей душе созвучье будит, чтоб
Могла опустошать я чашу жадно,
Как будто смерть торопит беспощадно . . .

(„Вести Дня“, Ревель.)

Пора сирени.

Черемухи прощались лепестки . . .
Цветение сирени наставало . . .
Бутоны полносочно распускало . . .
За домом засинели все кустки . . .

Я по ночам не сплю, — не от тоски,
А оттого, что сердце запылало:
Цветение сирени, ведь, настало!
Ах, мне ли безразличия тиски?

Тебя здесь нѣтъ, — тогда зачем же день
Лиловых и больших цветов исполнен?
Зачем лик ночи светом весь оволнен,

Лия в кровать — благоуханий лень?
Как тяжело одной впивать красу мне! . . .
Ты был бы здесь, — все было бы безумней!

(„Посл. Изв.“, Ревель.)

Во время болезни.

Звезды все гаснут; в испуге
Лиц свой луна обледнила.
Все оттого, что утреет, —
Утро мира осенило.

Вот через серость квадратов
Стекол проникли пунцово
Солнца лучи. И каемки
Облака дрогнули; снова

Глаз мой смежается. Тускло
Пламя колеблется. Тайно
Ночи лицо исчезает,
Странное необычайно . . .

(„Посл. Изв.“, Ревель.)

Край молодости.

Прекрасны молодости тропки,
Холмы, поляны, горок сопки,
Лесное эхо! Этот рай —
Мечтам, что робки,
Златое лукоморье. Знай —
Родной мой край.

О, гривка с вереском, дубрава
И роща дальняя направо,
В лесу дорога, сенокос,
Заря, кроваво
Угасшая в ветвях берез, —
Достойны слез...

И счастья полные заливы,
Долины, скалы и проливы...
Вдали морского ветерка
Нежны порывы...
В теченьи медленном река
Душе близка...

О, времена вы золотые!
Дни благостные, дни святые,
Кому угаснуть не дано!..
Пусть будут злые
Там перемены, — все равно
Там все родно!

Весна.

2.

Когда приносит март с собою ведро,
И сыплет на снегу последнем блестя,
Луга и лес меняют вид свой жосткий,
И люди оставляют дом свой бодро.

Ручьи бегут, обезольдясь. Как бёдра,
Лед на море истрескан. Отголоски
Болот далеких слышатся. Отростки
Рождает солнце там, где тленья пестро.

Светило дня вокруг оси быстрее.
Меняет небо блеск его престранный:
Все так блестит, сверкает, ярко греет.

Не чувствует никто зимы устанной
Затем, что все живет, поет, светлеет.
Корабль уже готов в свой путь исканный.

Весна.

7.

Уже прошло весенних бурь раздолье,
Растаяли последний снег и лед,
В низинах только лужицы налёт,
И подсыхают пастбище и поле.

Уж улей дверь раскрыл навстречу воле,
И все пригорки зеленеют. Вот
Хорошая погода настает.
Встречать весну — отраднее нет доли.

Вуаль тумана кутает леса,
И на полях земля уже рыхлеет.
Все почки набухают. Небеса

Светлей, и солнце ярче золотеет.
И стар, и млад бодреют. Голоса
Огня в крови: кровь снова пламенеет.

На прибрежной дороге.

Тихо, так тихо плещутся волны
В сумерках где-то, поют.
Ветви черемухи, плавно колышась,
Бело пред нами цветут.

Эти цветы вздымаются бело,
В дремлющей блещут воде,
Так же и чувства теплятся плавно
В сердце, подобном звезде.

Шумные волны — там, в отдалении
Поднятом, мнится, к луне.
Блещет слеза на щеке твоей. Бродим
Берегом мы в тишине.

Песню без слов глубокого сердца
Радостно наедине
Петь нам тогда, когда ночью бродим
Берегом мы в тишине.

Вот засияло море огнями:
В море качнулась луна.
Перед цветущей черемухой песня
Молодости нам дана.

Весенняя истома девушки.

Комаров жужжанье за окошком.
Гул весенний давит грудь немножко . . .
Как в воде испуганные рыбы,
В молодой груди истом изгибы . . .
Я в соблазнах слабну, слабну . . .

Вёсла на волнах реки подъяты . . .
Слышишь, смеха звонкого раскаты?
Оба, видно, веселы, здоровы . . .
Руки шею обнимать готовы . . .
Я в соблазнах слабну, слабну . . .

Прядь волос на грудь бросает тени . . .
Кто во сне мне обнажал колени? . . .
Страшно мне! щека стыдом алеет,
От желаний смутных ум мутнеет . . .
Я в соблазнах слабну, слабну . . .

Комаров жужжанье за окошком.
Гул весенний давит грудь немножко . . .
Как в воде испуганные рыбы,
В молодой груди истом изгибы . . .
Я в соблазнах слабну, слабну . . .

Апатия.

Устав от солнца, я ушел от света.
Мне надоела женщина — ракета,
Мадонна тоже. Тихо в настоящем.
Не опьянею впредь вином дрожащим
От женской нежности, волос и тела —
Будь худенько оно или дебело . . .

Иду я в шуме улиц мимо, мимо
Добычи ждущих, чье лицо из дыма
Все в пудре, словно в перхоти, чьи щеки
Накрашены, в глазах фальшивы токи,
Кто бродят, как фигурки в кино-фильме,
Банальной походкой в говорильне . . .

Устал от взятий и от отдаваний,
От всех грызущих тело мне желаний,
От угнетающего зло вампира,
Кто пьет мне кровь и ест мой пот. Прочь с пира!
Тебе на ужас, грозный сфинкс, иглою
Я на смерть прокалю тебя с собою!

Вне меня.

Будь вне меня, о прохожий труп,
Кто надоедлив и сплинно — туп.
В плесени люди живут себе,
Парничают в своей борьбе,
Смерти и жизни боясь равно,
Сердце восторгом не озарено.
Где ты, соблазн, влекущий всех?
В чьей ты душе, красивый грех?

Ах, вне меня ты, торговый свет,
Туз, утонувший в счетах, твой бред,
Полный миллионов, боязнь воров,
Грабящих тысячи из шкафов . . .
Улицы всюду — и там, и тут —
Песни неслыханные поют,
Толпы народа, за жизнь борясь,
С будущим деют благую связь . . .

Серая жизнь вне меня. Не внемля
Жизни, смотрю: плеснеет земля,
Тихнет огонь среди горных стран,
Гаснет и тлеет в горах вулкан.
Оргии только во мне кипят,
Бокал опенённый поднять я рад,
Взяв на чело венки богов,
Танцев безумных бросая зов . . .

Возрождение.

Я в огнях — они пылали! —
Гнева, радости, печали
Выпеплен, развеян в ветре.
Дева, прах героической смерти
На костре целуй. Сонм штормов
Только изменил мне формы,
И бокал наполнен снова.
Вновь любовь любить готова.
Сердце, возродясь, пьянеет
И, пылая, огневает.

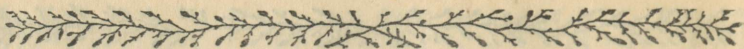

Экстаз.

Ты накопилась у меня в крови, богиня.
Как солнце луч свой погружает в море, ныне
Ты в море тела моего бросаешь взоры.
Теперь исчезли все границы и затворы.

Что мы иное, как не капли в раздвоеньи?
Не два звена теперь в своем соединеньи?
Ах, как чудесно друг от друга быть в дурмане!
Ах, как уютно плыть в безмолвии, в нирване!

Пусть косы страсти скосят в нас греха полоски,
Пусть раскачаются в нас крови отголоски, —
Ведь, мы — как хмель. Полны мы страсти без предела.
Из нас друг другу каждый — бог души и тела.

Весною.

Затошлен угол мой весенним ароматом.
Невеста в подвенечном платье — сад.
Сирень — паломница с бескровным ликом мятым
В цветах и листьях сотни пчел шумят.

Нам опьянительные дни даны и ночи.
О, женщина застенчивая, нам
Учиться-б у цветка: стесняться он не хочет
Работы пчел. Сок спеть не оскудеет там.

Осенне-светлая ночь.

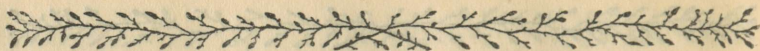
Я-ли, ходящий твоей дорогой,
Полная желчи луна? С неба нудно
Мумией смотришь, пророча строго
Гибель всему, — лик с тонущаго судна...

Все, что на время, никлое долу,
В голую ночь ты сосешь без препоны.
В яде намокли столицы, села.
Звезды — тропичных краев скорпионы.

Я-ли, чьи щеки бледны, и взоры,
Точно могилы, тебя поглощают,
Я-ли из гроба, под строф узоры,
Белый бессмертный труп я-ль вынимаю?

Мне-ль, кто несет гниющую падаль
С неба, источника мирнаго пира,
Сбросить с души свободной надо
Ткань ароматную — сети вампира?..

Я-ли, ходящий твоей дорогой,
Полная желчи луна? С неба нудно
Мумией смотришь, пророча строго
Гибель всему, — лик с тонущаго судна...

Отдаванье.

Мне влиться хочется в тебя... Как солнце в море
Грузится на закате в звонком хоре
Лучей, рассыпав с шеи ожерелье,
Так, женщина, тебе себя хочу я
Отдать, деля миры. Дождь поцелуев, —
Любовь моя, — журчит тебе свирелью.

Мне влиться хочется в тебя... В ручье об'ятий
Твоих я утонул бы без из'ятий,
Все отдал бы тебе. Златыми днями
Опять бы усладился, сновиденья
Вернул бы вновь, все наши опьяненья...
Как поцелуйный дождь, любовь над нами.

Придешь опять, мое желая тело,
Веселая малютка и болтунья...
В крови — моря, в глазах — лучи июньи.
Тебе я рад:
Ты нежных слов любви не говоришь мне.
Так легче, ведь, любить, о дорогая,
Без дум себя друг другу отдавая.
И нет для нас преград.
Все позабыть, уйти, тебя покинув,
Как блеск, остывший в небе в час рубинов...

Встреча в городе.

Что мы предпримем в городе чуждом, в городе зимнем?
Улицы, видишь, здесь деловые. Всюду дощечки
Разных названий — летним дубравам яркий контраст.
Дом номерован каждый. Витрины в блеске беспечном.
Каменный ящик, полный проходов, — город для нас.
Как же мы можем здесь кувыркаться? Без притушенья
Громко воскликнуть? Хохотом звонким, без размышленья,
Ты горожанам нервы терзаешь, enfant terrible:
Что-то подумают люди, подумай! Будут в смятеньи...
И для меня в этом городе, знаешь, скверная прибыль:
Слоем покрыт я, тяжесть в движеньях, жажду полета.
Я летовать не умею зимою, — трудно мне что-то...
Что-ж с тобой делать в этом пронзенном
Холодом, снегом давно занесенном
Городе чуждом, в городе зимнем?

(„За Свободу“, Варшава.)

Рука, исчезнувшая в вечер.

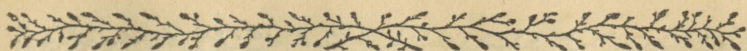
Движенья руки из вагона . . .
Ах, эта рука из окна —
Пленяющее душу лассо!
Ах, нежной она была . . .

Теперь понимать начинаю
Ее красу и цепочки
Серебряной вокруг ручки
Обхватыванье в миг прощанья.

Я чувствую — я покинут.
Жажду тебя, стыну . . .
В исчезших руках — исцеленье,
Легкость моего движенья . . .

Зачем допустил я в вечер
Исчезнуть любимую?
Хотел бы снова из ночи
Встреч!

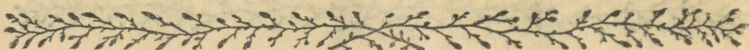
Но вся в ледяных кристаллах
Ночь.

Мокрое rendez-vous.

Вот уже 11. Дождь, когда перестанешь ты?
Погода на нас сердита.
Хоть немного бы прояснилось!
Погода — рваное сито.
Хоть немного бы прояснилось!
Ах, дождь! лишь теперь начинаешь ты,
Как из гигантского ведра мыть траву.
Опять насквозь мокрое rendez-vous
В сыром сентябре, в 11,
В лесу, куда любим ринуться.

(„Посл. Изв.“, Ревель.)

Не смеялась.

Как ночь, белело серое небо.
Зелено дышали ранние березы.

Из дверей вышла она. Двое были с нею.
Извивались жгуты темно на спине.

Я ее ждал раздраженно в зале.
Появилась, как заря, и пылала на востоке.

Уселась на отдаленно стоящей софе.
Тайно молчала — невинная, хрупкая.

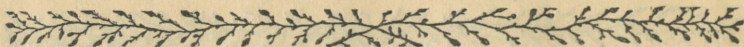
Сердце бесилось. Чувства пышут.
Обнимал другую, но смотрел на тебя.

Смеялась другим, — мне не смеялась.

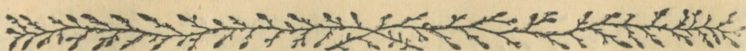
Отдаванье.

Она идет, идет опять —
Надломленный тяжелый георгин —
Не поднимая глаз, сказать:
— Я здесь. Один
Не слышь, когда хочу блуждать
Вслед за тобой
Ночную тихой тенью.
Хочу быть ветра дуновеньем:
Тебя целуя, шелестеть собой.
Иль пред тобой склониться, не видя
Тебя, обратиться, быть прѣзренной рабой.
Всѣ уничтожь
Во мне, — мечту о страстном бреде
Оставь лишь мне: ведь из тяжелых нош
Пусть тяжелейшая приемлется рабой!

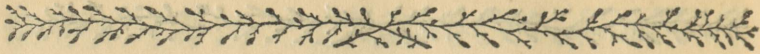
Эхо.

Нет иных желаний, Коломбина:
Лишь тебя тихонько целовать,
Копны кос желтеющих вдыхать
И впивать губ страстных льдяновина.
И в глаза спокойные смотря,
От тебя тихонько уходя, —
О, пьянительница моя, —
Эхом быть, звучащим для тебя . . .

Бденье.

Стерегу, смотреть не устаю я:
Маленькую белую больную
Ручку вижу, пальцы чьи так тонки.
Восковые веки — точно пленки.
Что ты спишь? Мной низанные бусы
Рассыпаешь в сѣнах шаловливо
Или шепчешь имя, что, боюся,
Все мои рассеет подозрѣнья.
На лице — страданий переливы.
Сумеречно в комнате. Взвѣтрѣнье.
Тьма и дождь. От тишины взгрустнулось.
Затаю дыханье: шевельнулась.

Страсть.

Точно солнце тропичное
Через пряжу туманную,
Высишься ты!

Точно кони взбешенные
Через нивы бесплодные,
Мечешься ты!

И как гривы пылают
На лошадых крутшеях,
Огнишь ты,
Страсть!

(„Своб. Слово“, Ревель.)

Сплин.

Так бред сбылся, и ароматы
Испарены, ослабли вина,
И розы черные измяты,
Остыли головки камина.

Любовь опала лепестками,
И мы — огóленные сучья.
Под нами шелесты. Струями
Луна с ветвей: она текуча.

Еще плывет звезд вереница.
Жизнь? Это белая страница.
Сыреет сплин на ней туманный,
Все уменьшаясь беспрестанно.

Осенняя муха.

Заосенело вдруг сразу все.
Безумства весны утихли.
На окнах жужжанье последних мух.
На улице — дождь и слякоть.

Откуда-то тусклым огоньком
Воспоминанья ночи
Мелькают в чувственных глазах
Выблекших, как чернила.

В складки софы ты вся ушла,
Укрылась от осенней жути.
О, нет, нет! ты не весенний цветок, —
Только осенняя астра.

Скука, неясная для меня,
Нравиться мне не может.
Так ты безжизненна, нехороша,
Астра, упавшая в лужу.

Только подумал это я,
Ты к окну подбежала —
Под маской смеха с серьезным лицом —
И стала ловить муху.

(„Посл. Изв.“, Ревель.)

Ходила одна при звездах.

В свете звезд одна ходила
Длительным путем.
Свежий снег уснул. Скрипели
Дровни за леском.

Сердце плакало в печали...
Голый скат межи...
И вела по скату тропка,
Длинная как жизнь...

Посмотрела вдаль, — не видно
Тропок, снег кругом...
Горе едет через гору
Вниз на вороном...

(„Сегодня“, Рига.)

Я спешу навстречу буре.

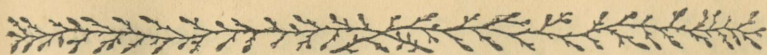
Спешу навстречу буре.
Мне щеки жжет мороз.
От ветра ледяного
Застыли капли слез.

Тяжелая дорога . . .
Вой ветра в сосняке . . .
Боль в сердце неутешна,
И все оно в тоске.

Там далеко — далеко,
Где выси снежных гор,
В вечеровой истоме
Счастливых снов узор.

Спешу навстречу буре.
Мне щеки жжет мороз.
От ветра ледяного
Застыли капли слез.

(„Вести Дня“, Ревель.)

Мое сердце.

Как будто храм забытый,
Где стражит некий дух,
И ветер напевает
Песнь в башне в полуслух . . .

На алтарях — святыни,
Святыни спят в пыли . . .
В молитве одиночье
Склонилось до земли,

Молясь под образами
Чему-то своему,
И образа блестяще
Глядят в немую тьму . . .

(„Посл. Изв.“, Ревель; „Сегодня“, Рига.)

Август Алле
1890 г.

Менуэт Моцарта.

Mlle Marie Chaselle.

Вам нравился Моцарта менуэт.
Как кружевной златист его ажур,
Где в каждом *pas* ткал грацию амур!
Так требовал, конечно, этикет.

Версальский двор... Marie Antoinette...
Я вашим эльфам верный трубадур,
И песнь творю: в ажуре амбразур
Лион цветет — изваянный сонет...

Вы грезите. Вот Ницца. Карнавал...
Кипенье жизни, как огни ракет, —
В стране, где раньше варвар пребывал...

Там лодка влажный оставляет след,
И парус исчезает, — вдруг пропал
Белеющий в тумане силуэт.

Nocturne.

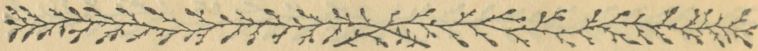
Регине.

Касались пальчики клавиатуры,
Как бабочки, нежней, чем анемоны,
И медленно выманивали тоны,
Яснили душу мне, где чувства хмуры.

Темнолиловых маков, что понуры
От осени, люстр отраженных звоны,
Цвета и блеск приял я без препоны,
Как могут воспринять лишь трубадуры.

Я слушал, весь в печали, весь в экстазе,
Как бусы в звукоцепи ты низала.
К стеклу окна я лоб прижал. Фантазий

Исполненный, не видел, как срывала
Рука поникнувшие астры в вазе.
Ты стройным силуэтом восторгала.

Nocturne.

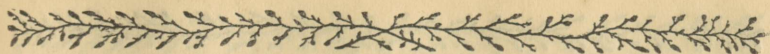
Роз ледяных на окнах арабески,
Все в свете искр и огненные сине.
Ночных теней на пальмах переплески,
И в нервах — демон из горящих линий ...

Со дна души под'емлются печали —
Со смерти островов ночные птицы.
Обледенело мавзолей встали,
И снег в мечты о прожитом клубится.

Как пусто там ... Нет ни одной березы.
Немая ночь, и ветер шлет угрозы,
И солнце не кровавит медь ворот.

Коралловыми грезил я устами,
Мирами сказок, синими глазами
Когда-то ... Ныне — душу сплин гнетет ...

(„Вести Дня“, Ревель.)

Тень Гамлета.

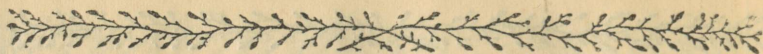
I.

Любуясь стилем облаковых зданий,
В бессоньи вижу замок в позднем свете,
В час рыбаков, несущих в море сети,
Когда блуждает тень, — не принц ли даний?

Исполнен бледный профиль твой заданий...
Ты мне знаком. Кто я — нет слов в ответе.
Анализ душу и мою отметил,
И пилит мне мозги рефлекс страданий.

И я, как ты, о принц, безвольем болен,
И у меня в былом лишь угрызенья,
Советов неименъем недоволен.

Трагическая цель — мои стремленья,
Где одинокой жизни смысл онолен.
В душе. при виде стали, дрожь волненья...

Тень Гамлета.

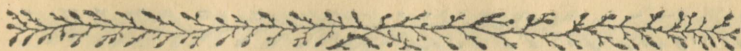
II.

Вот тени две, два бледных силуэта,
Что от пронзильных ветров жизни стынут.
О, ведь людьми жестокими отринут
Офелий лик от бедного Гамлета.

В подоле нет цветов лиловых: где-то
Они увяли. Кем круг бус раскинут?
Пук из венка соломы ветром вынут.
Рукам девичьим не скреплять букета.

Пусть мох окутал выблекший гранит,
И нити в щелях стен пауке хранит, —
Есть чувства, невместимые в могилы,

Есть души, не теряющие силы
Искать друг друга. В муке и в тоске
Рука их льнет к невидимой руке.

Легенда.

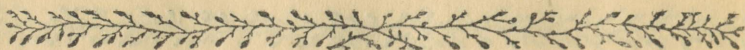
Божественный Отрок по свету
Проходит. В глазах Его — лето.
Он ходит, весну оживляя.
Роса на цветах ледяная.

Он ходит и поздно, и рано,
Свята молодые поляны,
Цветы по лугам рассыпает,
По шерсти ягненка ласкает.

И птиц освящает Он в гнездах,
И пахаря солнечный роздых,
И землю, и струйки, и елку,
И мед находящую пчелку.

Божественный Отрок по свету
Все ходит. Погода — как лето.
Когда-же встречает детей Он,
Ребенок Христом облелеян . . .

(„Вести Дня“, Ревель.)

Настроенье.

Море западно-лучисто.
Горизонт фиолев мглисто.

Сер дрожащий моря гребень,
И закат померкнул в небе.

Вдалеке растаял парус,
Бело-пенный вышив гарус.

Ах, куда бы взор ни бросить,
Лишь песок да моря проседь.

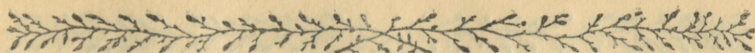
Городские впечатленья
Шумы, гамы — в отдаленьи.

Силуэт эпохи прежней
Вижу я все безнадежней.

Пусть печаль сумел постичь я,
В лице маска безразличья.

Небо, звезды, ночь и море.
За волной волна в проворе.

(„Время“, Берлин.)

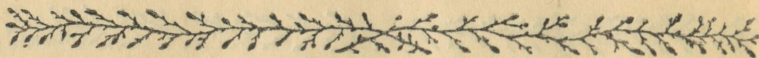
Krati loomine.

Видь над лесом краснеющую луну —
Гигантский накрюленный глаз,
Тот мир, что погас.
Видь над лесом краснеющую луну.

Воет пёс на скрещеньи дорог: у-гу...
Трехкратный послышался свист.
Луч лунный аль-пылью повис.
Воет пес на скрещеньи дорог: у-гу...

В деревовой тени кость взывает: о-у...
Трехкратно звучит слово-мрак.
Три капли: кровь-мак.
В деревовой тени кость взывает: о-у...

Петух на деревне: ку-ка-ре-ку...
Ветер в листве шелестел.
Затучить луну хотел.
Петухи на деревне: ку-ка-ре-ку...

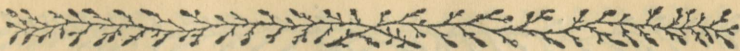

В зимний вечер.

Извне снежеет и метет.
Как будто в саване земля.
Сон не идет. Сон не идет.
Огня в очаг! В очаг огня!

Огонь всё с'ест, испепелит.
В огне трещащие дрова.
Огнеручей в груди кипит
И деет боль. Все — трын-трава!

Длинна, скучна ты, ночь зимы.
Сон не идет. Сон не идет.
Как вечность — время. Лишь из тьмы,
Как из мешка, снежинок лёт.

Эстийская пастораль.

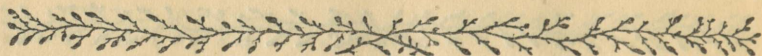
Льется из серых туч дождь беспрестанно,
В олове осени небо туманно.
Ветер свистит, разрывающий тучи.
Стадо в полях сентябреющих в куче.

Бедный пастух притаился под сеном.
Холод и дрожь пробегает по венам.
Стадо понуро блуждает у парка.
Хвост свой уныло поджала овчарка.

Нужно стога караулить усердно.
Голос хозяина жестокосердно:
«Палкой ему раздрать бы заплату, —
Сено едят, а ему еще плату!»

Вечер скорей бы! Скорей на палати, —
Высушить там и портянки, и платье,
С'есть бы остатки согретой похлёбки,
Сплесть бы хороший кусочек верёвки.

Так скоротал бы я вечер... Хозяин
Рано работника сон прогоняет:
«Эй, молотить», говорит непоседа:
«Как бы уж нам не отстать от соседа!»

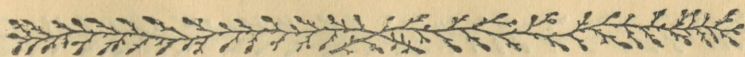

Сам встать не хочешь — хотят зато люди:
Пса с пастухом может всякий принудить...
Нет тебе отдыха. Помни заботу:
Засветло нужно закончить работу.

Не пережеван во рту еще хлебца,
Надо спешить, — ведь, хозяйка у дверца:
«Юный пастух утомляться не смеет»...
Так он живет, когда лес осенеет.

Эстонская народная поэзия

Лытки на сердце твоем, как будто
В озеро озера неба туманно,
Ветер свистит, гвардийский гул,
Уже в полях концы рожниц в поле,
Ветер пролетит, пролетит под сонной,
Холод и жужжа пролетит по ветру,
Холод тонуть, как будто у парке,
Холод свой, уныло поджарив орехам,
Нужно этот кинуть, усердно,
Лето, козница, желтокопая,
Поздней, как будто, бы вылетит,
Вено, охот, в силу, как будто,
Ветер свистит, гул, Орехов на пазлах,
Высунуть, ты и порывки, и пазлах,
Орех, бы орехов, сортовой позвонки,
Пазлах, бы сортовой, кузовке, веревки,
Ты, спорится, бы, в пазлах... Хозяин,
Ты, работница, сон, пролетит,
«Эй, работница», говорит, непоседа,
Ты, бы, ты, или, не, отстает, от, сорочки!

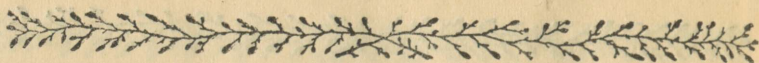
Осень идет.

Ржавчину сыпя и золото алое,
Инеем кутая землю увялую,
Осень идет.

Осень идет через стально-холодную
Воду, сквозь солнца дорогу бесплодную
Осень идет.

И через желтую ниву огромную,
Песню пастушью, щетину солоmnую
Осень идет.

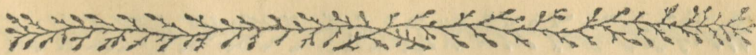
(„Посл. Известия“, Ревель.)

Орлята.

Вот орлята,
Туч палаты
Бросив на скале высокой,
Там, за тучей черноокой,
Чрез моря и чрез заливы,
Бури, град, ветров извивы,
Устремились в молний страны,
Орлий глаз остря свой рьяный.

О, орлята!
Гнездя вата
Не удержит птиц свободных,
Гнезда не дадут им отдых, —
Сталь, огонь, гроза и ливни,
Змеи молний — им интимней.
Не для вольных тесный гнет:
Их стихия — бури лёт!

Сетованье.

Я запер крепко
Души своей врата
От любопытных взоров.
Покинул улицы, где шум и суета,
Дабы забыться в дреме цепкой
У Будды ног от злых узоров
Сетей, сотканых Смерти дочерьми.
В забвенной лени
Склонял колени,
О, Правда вечная, перед тобой.
Я сердце обнажал до дна,
Обуздывая столько раз
Огнисто-красный страсти экстаз.
В трясины втоптывают розы
Сестра и брат. Полна угрозы,
Ночь подрубить обречена
Млечным путем и бусами свод свой.
Не сетуй в мезонине, поэт,
Что такого гипса нет,
Разорванную душу которым
Можно олубочить
Скоро.
Жутко и страшно средь ночи.

(„Свободное Слово“, Ревель.)

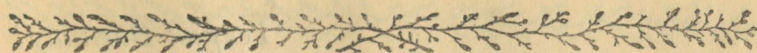
Меланхолическая ночь.

С кем ты кокетничаешь, и гусыней
Ночью шатаешься по аллее,
Стереотипно болтая? ныне
С кем у тебя свиданье?

Промельк в тумане звёзд —
Не фонари-ль кораблей? и в пустыне
Неба — фиоль серебристо сереет.
Выплывает из-за зданья
Водной крысой без хвоста
Из воды луна — вот там, где мост.
Остается теперь в воду броситься,
Как гнилое бревно.
Взгляд прощальный относится
То к луне, то к воде, что чернеет.
Плац оттеняет луносиянье.
Сторож ночной елкой себе
Деет стоянье.

В Божью подобную ночь
На фонарном столбе
Повеситься, например.
Проходящая проститутка,
Увидев качающееся создание,
Вдруг заорала бы дико и жутко,
Всплеснув в испуге руками:
«Ах, здесь висит один кавалер!..»

(„Время“, Берлин.)

Фрина.

Как сладок грех для златокудрой Фрины
С волнисто-лебедиными грудями!
И, — луки, напряженные страстями, —
Ее хотят афинские мужчины . . .

От солнца стрел — беременны равнины . . .
То не гетера, — Афродита с нами:
Ах, ведь, при ней и в трезвом вспыхнет пламя,
И старец невозможной ждет пучины . . .

Кокетливо рассталась с покрывалом,
Как холодно-рожденная из пены . . .
К священной роще путь по розам алым.

И в грезах чрез залив, где красок плены
На шолке парусов блестят, сигналом
Истомной флейты звук сочится в вены . . .

Генрик Виснапу

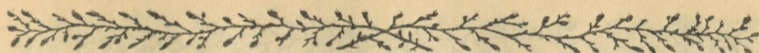
1890 г.

Воспоминания о лете.

Песок был жарок, и небес шатер
Лученья полн. Полдненный солнца взор
Кошмарил сад. Гвоздики и жасмины
Всех медом одуряли. Солнца пар
Сушил уже траву. Был полдня жар.
Деревьев умолкали шатровины.

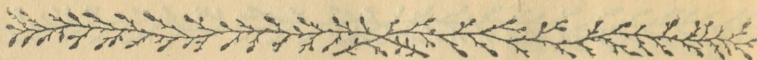
Белело платье в розовых кустах.
Тебя с цветами видел я в руках,
Тебя, цвет вишни розовато-белый.
Какая радость видеть мне тебя!
Чу! облачных быков мычанье я
Заслышал. Ветер обвивает тело.

О, солнце! ты грозой побеждено,
И небо Божией стрелой разнесено . . .
Бодаясь, роя землю, бык свирепо
Мычал. Ко мне прижалась в страхе ты.
Тебя, дитя, держал до темноты
Слиянья наших глаз на точке сцепа.

Дождь канул. В солнце — небо и земля!
Как мотылек — порханье летодня,
И подняты дней крылья парусами!
Ах, Боже, как насыщена душа,
Но ты все насыщаешь! Хороша,
Лучиста жизнь! Любовь в объ'ятыях с нами!

(„Своб. Слово“, Ревель.)

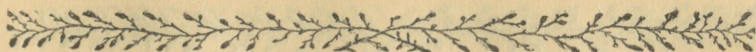

Неожиданность.

За другом друг сосчитанные, странные,
Из шолка ночи тканые,
Подобны тканям, гаснут времена.
Дороги скрещены, и златопенные
Катятся воды в сини дна.
Над головой кружатся ветры ленные.

От ветра, как ребенку, сердцу радостно,
От пожен в солнце сладостно.
Печали забываются, как сны
Жестокие в шатрах лесов, и новые
Лиюющие мне слышны —
О, радости, — кукушки дальнезовые.

Себя вести я поручаю случая,
В пути себя не мучая,
Заманенный свистком, вхожу в вокзал.
Ах, неожиданность злостерегущая:
Тебя пред мною поезд мчал, —
Пронзила безнадежность душу жгущая.

Одно осеннее воспоминание.

Котэдж в оправе осени и пламя
Небес осенних помню; деревья
Высокие олиствены; пред нами
Шаг сумерек, слышанный едва.

О, мягкость буклей вьющихся растений,
Собой овивших окна и балкон!
Пред домом отцветал куст астр осенний,
Сад мёдом резеды был напоен.

Развертывался вечер бархатканью.
Картины, стены — в пламени огня,
Бросаемого солнцем. Прикосанье
Рук сумерек пред истеченьем дня.

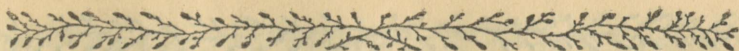
Забыты пальцы на клавиатуре.
Сквозь сумерки я видеть их не мог.
Они аккорды взяли. Как в лазури
На острове, мы — каждый одинок.

Сидели мы с закрытыми глазами.
Круг сузился. Возникли грёз миры,
Миры, воображаемые нами . . .
О, как хотел бы я твоей игры!

Но сильной, но проникнутой алканьем,
Огнем тем самым, жгущим душу мне.
Что душу оэкстазило пыланьем?
Забыв друг друга, стихли в грёзосне.

Забыты пальцы на клавиатуре.
Сквозь сумерки я видеть их не мог.
Они аккорды взяли. Как в лазури
На острове, мы — каждый одинок.

Одно осеннее воспоминание.

II.

В осенний час, когда световенок
Распространён над городом в тумане,
Брожу в дожде, весь мокрый, одиноч.

Я вижу взгляд: «О, Боже! где скитаний
Моих конец? Ах, мимо, игр клубок!
Боль тмит глаза, и грудь — в разрывной ране.

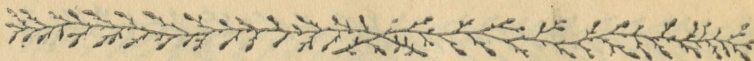
Девичье ложе в беспорядке. Ток
Ужасной страсти чуть на нем теплеет,
И, как от улицы неровной, ложность ног.

Ах, сброшено рукою, кровянеет
Белье. Как тело, сердце кровью бьет,
И над любовью крест рука содеет.

Я не забуду никогда взгляд тот,
Что брошен в душу женскими глазами
Мне из толпы: как ржа — железо, жжет.

По улицам, круги кружа кругами,
Иду с вопросом: «Кто, святая, ты?»
Пронзительно ветер обдает волнами.

Ты, дорогая, ближе мне мечты.

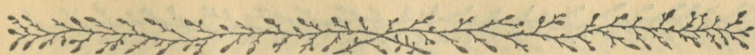
Освобождение.

Тишь в комнате. Перед большим столом
Сидел всю ночь, сидел весь день. Горела
Уютно лампа на столе.
Все звуки в доме распяты кругом.
Работа спит во мгле —
Свершенья ожидающее дело.

И в озеро, как холодок камней,
Вы, мысли эти поздние, упали.
Шли по воде еще круги.
Так ставни перед сердцем и в эмали
Дорогу солнца, — вокруг ни зги, —
Враждебный волхв замкнул рукой своей.

Так ночь сидел. И день прошел немым.
Забылось всё. Мне тяжесть грудь давила.
Гнев и любовь умчались прочь.
А в небосвод идет лучистый дым.
Звезд пояс вяжет ночь.
В душе от узи жизни жутко было.

Так облегчались тяжесть и кошмар,
И расширялся бытия круг узкий.
И видел я: мир заденел.
Избавилась душа от власти тусклой;
Блеск жизни глаз найти сумел;
И в жилах снова ожил крови жар.

Пусть мне печально.

Пусть печально мне, пусть. Грусть от Господа дар,
Данный нам на земле. Опечаленный дар.
В сердце счастье и боль. Пусть печально мне, пусть.

Пусть печально мне, пусть. Ты от Господа, Инг.
Грустно-тихая Инг. Тихо-грустная Инг.
Окружайте меня, хороводы ведя. Пусть печально мне,
пусть.

Пусть печально мне, пусть. Ты, кто ныне со мной.
Ты, ушедшая вдаль. Смолкнем в скорби со мной.
Благость мигам земли. Пусть печально мне, пусть.

Пусть печально мне, пусть. Голос Бога в тоске
Мне вещает добро. Голос Бога в тоске —
И в душе он — как звон. Пусть печально мне, пусть.

Пусть печально мне, пусть. Ты от Господа, Инг.
Грустно-тихая Инг. Тихо — грустная Инг.
Окружайте меня, хороводы ведя. Пусть печально мне,
пусть.

Аренбургская дача.

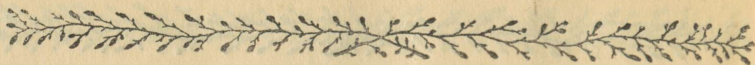
Ах, это-то и есть сам Kuresaare,
Где вместо моря — лужа, — вонь и грязь, —
Где воздух и вода — миазмов мирриады,
Каскадятся в глаза и в рот микробы рады,
Где ежедневно дождь, туман ползет, вьясь . . .
Чорт знает — почему я выбрал этот остров!

Ах, это-то и есть сам Kuresaare!
Парк, как коробочка. Оркестр — шарманка, и,
Как аккомпанимент — коров мычанье дойных.
Там даже небосклон весь на бок как-то. Хвойный
Холодовой продует члены все твои —
Различногоризонтный, мокрый и пронзильный.

Ах, это-то и есть сам Kuresaare,
Где полукружен канавами бульвар,
И где клочок воды вам заменяет море,
Доносит ветер мёд сиреневый, и в горе
Всё делает круги одна из мёрзлых пар,
В отчаяньи бродя бульваром чахловидным.

Ах, это-то и есть сам Kuresaare!
Там поезд, пароход встречая поутру,
Приносит в городок гниющий торс и пахи . . .
Живые мумии дорожки топчут в страхе . . .
Так пароходы наполняют конуру,
Что в гордости зовется — Kuresaare!

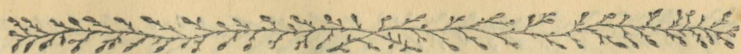
Первое письмо.

Ах, Инг! Идет весна, и тает лед.
Грязь золотит большое, золотое
Такое, солнце. Муха от покоя
Зимы, жужжа, очнулась. Что за взлет!
Какая удивительная ловкость:
Приподнимает воздух, — что за легкость!

Ах, Инг! Идет весна, и вишня в цвет
Душистый разубралась. Ежевёсно
В её цветах стою. Бурля, откосно
Несется в речку грязь: то марта след.
Туда, сюда по городу извозчик
Меня стремится. Пусти во всю, — так проще!

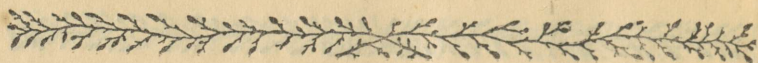
Ах, Инг! Идет весна, и, как вино,
Пьянит весенний воздух. Лишь с зелёнца
Полей вернусь, полны лучений солнца
Все волосы. Устал, — в глазах темно.
Мне кажется, что ты меня встречаешь
И издали объ'ятями венчаешь.

Ах, Инг! Возвышенная новая весна!
Люблю-ль тебя? — я этого не знаю.
Ты любишь ли? — о том не рассуждаю.
Я в солнце весь, в природе всей до дна!
И ты со мной. И ты, как водоемы
Весенние, несешь меня. Вдвоем мы!

Ах, Инг! Она идет. Как водопад,
Струится на поля и на дороги.
Брылю об'ятыя к ней, бросаюсь в ноги
И как киоск стою, от солнца злат.
Ах, Инг! Теперь весна, весна ведь в мире!
Эй, путь весне! Дорогу сердцу шире!

Третье письмо. (Сегодня, Рига.)

Второе письмо.

Теперь идет весна. В ней бешенства порывы!
День расточает свет миллионами ракет.
Покрыла все вода. Как будто суши нет.
Как будто тонем мы. Вода, и солнца взрывы!
О, так идет весна, помилуй нас Господь!

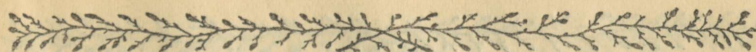
Теперь идет весна. Забыла ночь про иней.
Всю ночь дождь прядает по веткам и камням.
Мокрее мы ершей. О, пенистым водам
Пора настала течь стремглавно по низине.
О, так идет весна, помилуй нас Господь!

Теперь идет весна. Вот Вербная, Святая.
Что может быть теперь в озерах и в лугах!
И в небе синева, и синева в глазах.
Весна! Пусть где-то бой, и льется кровь людская, —
Ведь, все-таки весна, помилуй нас Господь!

Теперь идет весна. Грязь бесконечна. Что мне,
Что я приду домой весь мокрый и в грязи!
Старушка-хлопотушка, не грози, —
Пусть грязен: ведь весна!.. Прости и зла не помни:
Весна лишь раз в году, помилуй нас Господь!

Теперь идет весна. Инг у меня. Другая —
О, Энэ! — позади. Иль Энэ и теперь?
Мне обе дороги. О, Инг, себя проверь:
И Энэ ведь со мной... Фиалка полевая!
Уж такова весна, помилуй нас Господь!

(„Сегодня“, Рига.)

Третье письмо.

В сей год весна приходит иначе,
Tiu-tiu! да иначе. И год сей иначе.
И весна иначе, и приходит иначе,
Tiu-tiu! и иначе, совсем ведь иначе.

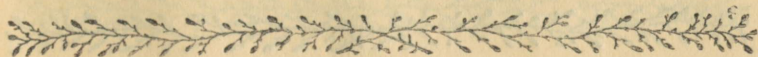
Так много птиц, цветов и смеха. Hoi!
Безумья солнечного зова:
Ih ah ah haa! ah haa! Ih ah! Oh oi!
Удары грома молодого:
Mürr mürr! mürr mürr! trahh trah!

Из ивовых сырых сребристых кор
Устрою миллионы дудок.
Деревья, соловьи и ветер — хор.
На все лады свистеть я буду:
Tuut tuut! tutt tutt! tuut tuut!

Для шалостей покосы и леса.
Я усыплю тебя умело.
Злата лучей закатных полоса.
О, раздели же ласки смело:
Tiu tiu! tiu tiu! Ssu ssu!

Ночь — это только малый светокруг,
Что и влечет, и искушает
Меня, певца, и, Инг, тебя, мой друг.
Где и когда конец тому — кто знает?
Hoi tii! hoi tii! hoi tii!

Четвертое письмо.

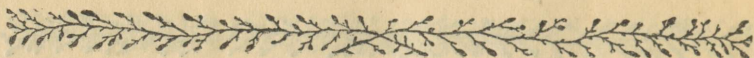
Меня сразит расцвет весенний!
Сплошная пена! шторм цветов!
Я обессилиться готов, —
Меня сразит расцвет весенний!

Черемуха и с ней сирени.
Я в яблоневом весь снегу.
Зову тебя, спать не могу.
Колышет ветер мед сирени.

И вот сгибаюсь я наклонно,
Как в розовом цветеньи ветвь.
Зачем же два меня? и ведь
Сгибаются они наклонно...

Ночь — позлащенное кольцо,
Что в своде вертится далеко.
И солнце землю греет оком.
О, Инг! люблю твое лицо!

Моя в цветеньи этом гибель.
Сплошная пена! шторм цветов!
Я обессилиться готов, —
Моя в цветеньи этом гибель.

Шестое письмо.

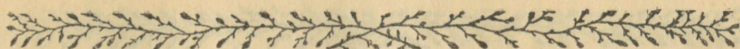
Золотисто-желтая песня.

Златисто-желтый парк, златисто-желто сердце.
Два шага в золотом исчезновеньи.
Златисто-желтый путь, златисто-желто сердце.
И двое — в золотом исчезновеньи.

Ах, двое в желто-золотой беседе.
Златисто-желто сердце, точно осень.
Два шага в желто-золотой беседе.
Два сердца в золотых словах, как осень.

Два сердца в золотых словах и грезах.
В своем, — особом, — каждый угасаньи.
Одно из них, — мое, — в янтарных грезах.
Твое, — второе, — в блеклом угасаньи.

Златисто-желтый парк, и золотые листья,
Как бабочек рой, ветер рассыпает.
Златисто-желтый путь, и золотые листья
Наветрены. К добру-ль, ко злу — кто знает?

Десятое письмо.

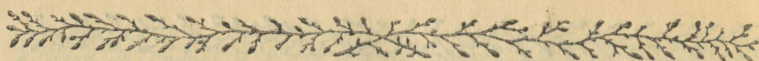
Помнишь, Инг, аллеи зовы,
Глухо-снежный путь суровый?
Сахарогеловы ели.
Шла ты тихо, еле-еле.

Дуны в ёловых макушках.
Птицы в снеговых опушках
Снили сны про сны, и ветки
Гнули, снег стряхая сеткий.

Помнишь, Инг, аллеи зовы,
Глухо-снежный путь суровый,
Где мы бегали, обручась,
В рыхлый снег слетая с кручи?

Помнишь, как на перекрестке
В снег меня толкала блестящий?
Ах, в объятых скаты с горки!
Ах, «любовь» — в скороговорке!

Мы везде нашли позднее
То, что зачато в аллее.
Ели сахароголовы.
Ты вошла под их покровы.

Без тебя теперь здесь скука,
В бессловесном сердце мука.
Помнишь, Инг, аллею эту?
Ищешь ли ее по свету?

(„Свободное Слово“, Ревель.)

Ночь под Ивана Купала.

В канун принесла ты с покоса
Березок украсить жильё.
С полей и с речного откоса
Доносится пенье твое.

Придя на ночевшия нивы,
Стобоился я над водой.
Горите, Иваньи огни, вы!
Звените, певцы, в час ночной!

Сидели мы в уединеньи.
Плескалась под нами вода,
Разволнясь о камни. В волненьи
Сердца замирали тогда.

Ты сыпала в воду безмолвно
Цветы, в воду сыпала ты.
Помедли, не все их брось в волны
Так сразу — слова и цветы.

Былое навеки уплыло,
Как сон, как чарующий сон!...
О, самое грустное было
В пути нашем — путь самый, он!

Дай губы в безмолвии ночи,
Дай губы скорей и без слов:
Хочу целовать их, как хочет
Гореть сонм Иваньих зрачков.

Потом разойдемся мы, плача,
Куда уведет нас стезя.
Пусть сердце ведет нас, иначе
Глаза обесслезить нельзя.

(„Посл. Известия“, Ревель.)

Ночь под Иваньих зрачками.

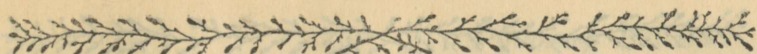
В ланити прикоснись ты о покое
Безвонно, безвонно, безвонно
О ланити и о равноту откосе
Донесенна неваля твое.

Путь на кореннйи нити
Сторонити и мидь водой.
Горити, Иваньих оиждь вы!
Звонити, ланити, в рас-ноннотой!

Сидити жь в уединеннотой
Плещекается под ажань водой.
Разволнуети о камини, И познелась
Судна замарашеннотой.

Ты сплывай в воду, безвонно
Цветы, в воду сплывай там.
Помедити, но вод не гроб в ланити
Ты сплывай — слова и цветы.

Взнос ланити, уныло,
Как сон, как удремкай сон!
О, камо, троготное было
И нити ланити — нити самий, он!

Нам всё-же братом остается человек.

Так больно, больно мне ставать братоубийцей,
Горячей крови дать в ушат земли пролиться:
Ведь, все-же братом остается человек.

При спазмах горловых всегда мы жаждем плакать.
Все грёзы лучшие втоптали грубо в слякоть.
Кем сделал человека этот век?

Так страшно думать, что приходится калек
Из братьев делать нам, чтоб ненависть пропала.
О, сердце, не спеши, биясь тревожно, звякать!

Удел наш — убивать, чтоб пуля разорвала
Грудь ту, которая, как сами мы, желала
И грезила зрить в жизни красоту.

Запомни, человек, забредший в тесноту:
Заблудший — брат тебе, хотя-б в возреньях узкий,
Ах, кто-бы ни был он: китаец или русский.

(„Вести Дня“, Ревель.)

Я хочу тебя ждать.

Хочу тебя ждать я, пока хватит силы.
Бойся, друг, опоздания:
Легче пуха мечтанья
Любовь моя. Ветер готовит ветрила.
Поймать ее можешь? — люби серьезно.
Хранить ее хочешь? — еще не поздно.

Хочу здесь сидеть я у моря седого.
Мое сердце больное.
Могу еще ждать я. Но рухнут основы,
Если сделаешь злое.
Можешь ты плакать. Я буду — тоже.
Того изменить никто не может.

Долго у темного моря ждать буду.
Мои взоры печальны.
Ждать тебя — сказка. Сюжет её — чудо.
Снег. И вербы венчальны.
Ночь говорит нам. Я встану на стражу.
Заговорю, — разорвет сердце пряжу.

Ночь под Ивана Купалу.

Лунный дождь лес обливает.
Перламутровый смех и...

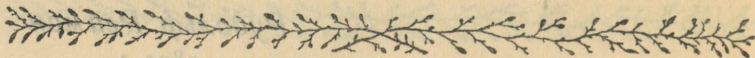
Слушай, о сестра, как тихо
Засвистала змея в тростник.
За низиной тишь. И лихо
Блудный ветер в болоте сник.

Кровь, сестра, в глазах огнеет,
Фосфорятся огни болот.
Много там костей белеет,
Куда миражный мост ведёт.

Тише, смотрит за стволами
Угольно-мрачно тишина.
Смолк хор глаз, ушей. Сквозь пламя
Воль папоротнику дана.

Вдруг распустится так гордо
И с треском огненный цветок.
Злая сила ломит твердо,
Ах, прежде, чем он даст росток...

О, сестра! Чрез смерть ты можешь
Покоренью душу обречь.
Сняв цветок, кровь уничтожишь.
Душу кровавь, — чего беречь!

О, сестра! Закрой-же глазки.
Мы пламя вознесем. Костер
Перепрыгнем, точно в сказке.
Прочь крови круг: огонь остер . . .

Вновь в душе и боль, и счастье!
О, обручись в огне костра
С высоким солнцем! Мы с участием
Идем к ручью, — брат и сестра.

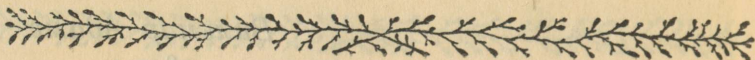
Тише, смотрит за стволами
Угольно-мрачно тишина.
Смолк хор глаз, ушей. Сквозь пламя
Воль папоротнику дана.

Интродукция к циклу: „Сумерки возлюбленной“.

Я влюблен в ту женщину, которой не видел,
В ту, кто не жила на земле никогда.
Мне томиться по странам, в которых я не был,
Мне страданий лелеять года.

Агасфер мне отец, товарищ мне Гамлет,
Летучий Голландец — мне брат.
Свет затмила мне буря и снесла паруса мне —
Ах, куда захлеснут ветра?

Все равно, все равно, где тоску мне громадить:
Ведь куда ни плыви, домой не прибыть.
Но последний мой крик — среди льдов вечных радио —
Ищет ту, что, быть может, не может и быть.

1898

Всегда по-своему ты входишь —
То откровенье, то игра —
И скромную постель находишь
Желанней пышного одра.

Ты горестною входишь лаской,
Влетаешь теннисным мячом,
Новалиса фрагментом, сказкой,
Которой верилось тайком.

Ты возникаешь словно пламя —
И миг сгорает клевета;
Как над Христа учениками
Спустился дух, ты входишь так.

Но нет, ты входишь по-иному . . .
Явленья сложной простоты
Подобны небу голубому:
Ты входишь так, как входишь ты!

Содержание.

	Стр.
Фр. Крейцвальдт	7
Фр. Кульбарс (Вилли Анди)	10
Михкель Веске	13
Лидия Койдула	18
Адо Рейнвальд	21
А. Гренцштейн (Пирикиви)	25
Карл Герман	28
Юхан Кундэр	33
Петер Якобсон	36
Мартин Липп	40
Ян Бергман	43
М. Эйзен	47
Якоб Лийв	50
Якоб Тамм	55
Карл Сээт	66
Эдуард Вэрман	69
Элиза Аун	73
Юхан Лийв	77
Анна Хаава	85
Георг Луйга	89
Андрес Альвер	94
Эрист Энно	97
Густав Суйте	102
Мария Ундэр	109
В. Ридала (Грюнталь)	114
Фридеберт Туглас	118
Иоганнес Барбарус	119
Иоганнес Сэмпер	127
Мария Хейберг	137
Август Алле	140
Генрик Виснапу	156
Рудольф Рейман	179
Вильмар Адамс	181

Книги Игоря-Северянина.

- т. I — „Громокипящий кубок“. (Стихи 1905—12 г. г.)
т. II — „Златолира“. (Стихи 1906—13 г. г.)
т. III — „Ананасы в шампанском“. (1903—15 г. г.)
т. IV — „Victoria Regia“. (Стихи 1908—19 г. г.)
т. V — „Поэзоантракт“. (Стихи 1901—11 г. г.)
т. VI — „Тост безответный“. (Стихи 1915 г.)
т. VII — „Миррэлия“. (Стихи 1916—17 г. г.)
т. VIII — „Ручьи в лилиях“. (Стихи 1896—1909 г. г.)
т. IX — „Соловей“. (Стихи 1918 г.)
т. X — „Настройка лиры“. (Стихи 1910—18 г. г.)
т. XI — „Вервэна“. (Стихи 1918—19 г. г.)
т. XII — „Менестрель“. (Стихи 1919 г.)
т. XIII — „Amores“ (Стихи Г. Виснапу.)
т. XIV — „Фея Biolo“. (Стихи 1920—21 г. г.)
т. XV — „Поэты Эстонии“. (Антология.)
т. XVI — „Предцветенье“. (Стихи М. Ундэр). 1923 г.
т. XVII — „Падучая стремнина“. (Роман. 1922 г.)
т. XVIII — „Литавры солнца“. (Стихи 1922—26 г. г.)
т. XIX — „Колокола собора чувств“. (Роман. 1923 г.)
т. XX — „Роса оранжевого часа“. (Поэма. 1923 г.)
т. XXI — „Классические розы“. (Стихи 1923—27 г. г.)
т. XXII — „Рассказы в ямбах“. (1923—24 г. г.)
т. XXIII — „Уснувшие вёсны“. (Проза 1924—27 г. г.)
т. XXIV — „Варельефы и эскизы“ (Сонеты о поэтах). 1926—27 г. г.
т. XXV — „Lugne“. (Роман. 1925 г.)

Rbl. 5-50

Kpl. nr. 24

Nr. 33795 78

Est A-3937

Hind kr. 3.25

Цена за границей 1 \$